

ВТОРОЙ ПЕРИОД ПРЕБЫВАНИЯ В ГОЛЛАНДИИ: июль – сентябрь 1717

МАОСТРИХТ

Из Ахена Петр прибыл 27 июля в Маастрихт. Гостеприимным хозяином там выступил Даниэль Вольф де Допфф (1650–1718), военный инженер, который с 1694 г. был комендантом города, а с 1713-го — губернатором. У него было все, чтобы понравиться царю: участник крупных сражений своей эпохи — против турок и французов, строитель форта св. Петра в Маастрихте для защиты города от французских войск... Император Леопольд I сделал Допффа имперским рыцарем, но сам он называл себя бароном и к тому же с французской дворянской частицей de. В 1697 г. он купил себе замок Эгермонт, один из красивейших в окрестностях Маастрихта, и капитально его отреставрировал.

Допфф показал гостю цитадель и форт св. Петра с подземными ходами, после чего устроил в его честь банкет в ратуше. На следующий день состоялся праздник для народа: члены гильдии речных шкиперов старались взять штурмом некое деревянное укрепление, возведенное на столбе прямо посреди реки Маас, а смотревшему на это царю и его свите были предложены тем временем напитки и закуски. Губернатор дал обед в своем замке. После обеда и прогулки по лесу Его Величество вернулся в город и в доме бургомистра Филиппюса Керенса, где провел две ночи (этот просторный дом на улице Бокстрат, с видом на Маас, был в 1849 г. снесен¹), распрощался с городскими властями. Затем он отбыл на яхте по реке в провинцию Голландия, провожаемый троекратным залпом крепостных пушек. Обо всем этом уже 3 августа в деталях рассказала своим читателям газета «*Амстердамсе Курант*».

Посещение Маастрихта 27–28 июля — единственный эпизод, описанный в официальном путевом дневнике Петра очень подробно:

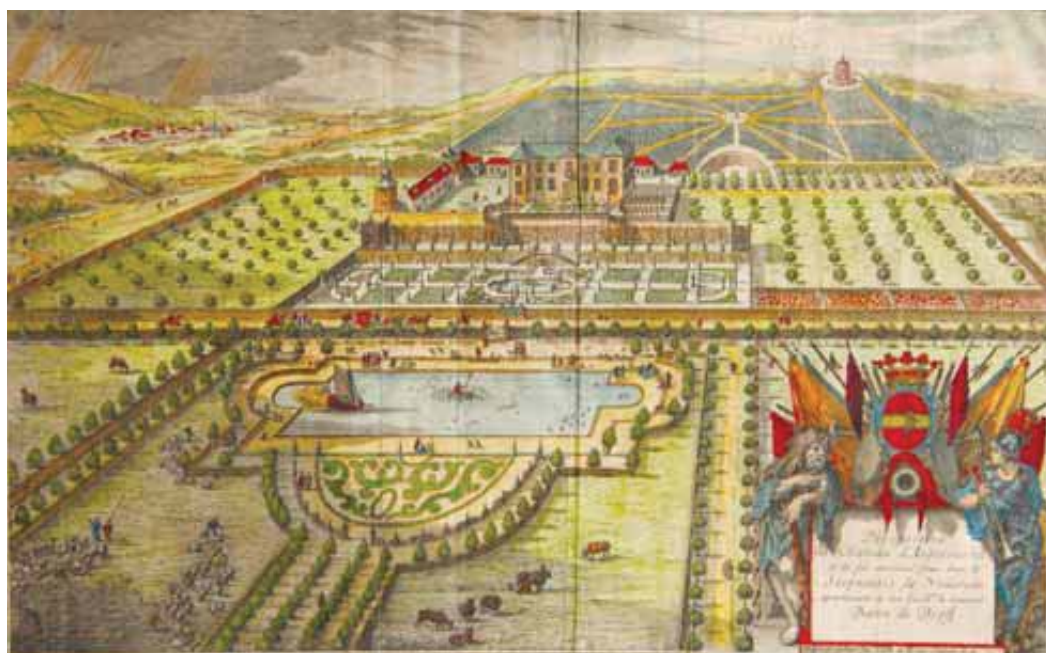
*Й.В. Тишбейн. Портрет барона Допффа
(Дворец Неерканне, Маастрихт)*

«А по-полудни в первом часу оттуда поехал, и отъехал три мили, по-полудни в четвертом часу прибыл в город галанской Мاستрихт. И там встречал его величество мастрихтской генерал и губернатор с кавалерию, и для приезда его величества стреляли из города ис пушек три раза, во время шествия его величества народу было множество. И по-полудни в 5-м часу ездил в крепость, которая от Мاستрихта в двух верстах, и там для приезда его величества також стреляли ис пушек три раза. И оттуда прибыв, изволил быть в ратуше, где бургомистры трактовали, и ввечеру прибыл на свою квартиру.

В 17 день [28 июля] поутру ездил в театрум, и оттуда гулял в роще, а из роши паки приехал в театрум, и там смотрел потехи, которая была в девятом часу поутру на воде среди реки Мазы [Маас] таким образом. Зделан был столб, вышины три сажени от воды, на вершине того столба зделана будка, в которой посажены были два человека салдат, кои пред начинанием (как к ним другие с низу от воды стали приступать) сверху бросали гранаты деревянные, особливо на тех, которые к ним приступали лесницами, и многих с лесниц шестами збрасывали в воду. И было того действия з два часа, потом тех двух, которые в будке, осилели и взяли. В то время смотрели множество народу со всех сторон как на сухом пути, так и на воде на судах и на прамах, и у тех, кои смотрели на воде, была разная музыка. По окончании той потехи его величество был у помянутого генерала-губернатора и там обедал, и оттуда приехал на шойты, которые были приготовлены для шествия его величества в Амстердам. И по-полудни три часа его величество поехал из Мاستрихта на шойтах [барках], которые тянули лошадьми. При отъезде его величества салютовали з города троекратною стрельбою из всех пушек»².

В обычно немногословном путевом дневнике столь подробная запись о пребывании Его Величества в Маастрихте говорит о том, что прием Петру и его свите очень понравился. Еще 6 июля, пока Петр лечился в Спа, Генеральные штаты разослали во все города Республики Соединенных Провинций, которые предстояло проехать русскому монарху, письма с извещением, что он вскоре через Маастрихт и Неймеген отправится в провинцию Голландия. Руководители страны потребовали от губернаторов и комендантов оказывать ему, «как это принято», необходимые почести, салютуя из пушек и предоставляя эскорты³.

Записи в реестре маастрихтского гарнизона позволяют проследить день за днем перемещения воинских отрядов, чаще всего конных, выделенных губернатором для сопровождения «Его Царского Величества». Эскорт из 50 драгун со знаменем встречал его 26 июля на полпути между Ахеном и Маастрихтом. На следующий день 400 солдат, 16 сержантов и шесть офицеров были расставлены «у всех

Дворец Неерканне в Маастрихте. Гравюра XVIII в.

HET KASTEEL
VAN
AIGERMONT,
EN D'OMLEGGENDE LANDT-
STREEKEN IN DE HEERLYKHEIT
VAN
NEDERKAN,
NEVENS DE STADT
MAASTRICHT;
IN HELDENDICHT AFGESCHETST
DOOR
FRANÇOIS HALMA.

Hier is bygevoegt eene REDE tot lof der
DICHTKUNDE.

TE LEEUWARDEN,

Gedrukt by FRANÇOIS HALMA, Drukker der Edele
Mogende Heeren Staaten van Frieslandt, 1715.
Met Privilegie.

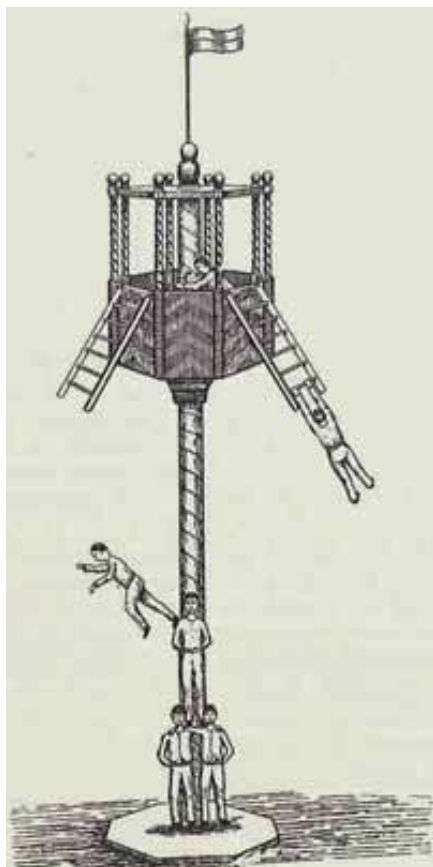
Книга о дворце Неерканне в начале XVIII века
(*François Halma. Het kasteel van Aigermont... Leeuwarden, 1715*)

ворот и на малых постах», чтобы пройти парадом, приветствуя августейшего путешественника. Губернатор предложил царю остановиться у него, но тот предпочел дом бургомистра. Там Петра 27 июля около четырех часов пополудни приветствовал магистрат, предложивший ему полдник в ратуше, «на который Его Царское Величество согласился». Гостю города, по обычаю, подносили кувшин вина, и в ратуше Маастрихта хранятся несколько таких оловянных кувшинов.

Осмотреть форт св. Петра, построенный Допффом незадолго до этого визита, попросил губернатора сам Петр. Когда карета, сопровождаемая 12 рейтарами под командованием корнета, въехала в форт, все его пушки трижды салютовали высокому посетителю. «Его Царское Величество осмотрел форт снаружи и изнутри», включая подземные ходы. Вечером того же дня Петра опять «угощали в ратуше члены магистрата с некоторыми дамами». Однако он рано ушел к себе в покои, «а господа и дамы танцевали». На следующий день, после потешного штурма маленькой крепости посреди реки, губернатор принимал царя со свитой у себя в загородном замке, показав ему также сад и окрестный лес. Затем гости вернулись в Маастрихт, откуда, распрощавшись с Допффом и отцами города, отплыли на яхте в провинцию Голландия⁴.

Единственный русский источник, в котором сообщается о том, что в Маастрихте вниманию Петра был предложен театральная спектакль, — путевой дневник («ездил в театрум»). В архивах города сведений об этом нет, однако в истории местного театра (он был создан губернатором Допффом, и в 1714-1718 гг. там играла французская труппа под руководством Дю Бюиссона, которая после смерти Допффа уехала, так как новый губернатор не хотел, чтобы в городе был театр⁵) сохранилось воспоминание о том, что 27 июля Допфф пригласил своего гостя на трагедию Пьера Корнеля «Горации», за которой последовали вокальный и инструментальный концерт и балет⁶. Трагедия рассказывает о семейной драме древнеримского рода Горациев, и в основе ее лежит, как всегда у Корнеля, конфликт любви и долга. Можно смело предположить, что Петр, практически не знавший французского языка, мало что понял в торжественных стихах великого поэта, а между тем они в какой-то мере предвосхищали собственную трагедию царя, которому предстояло по возвращении в России судить и обречь на смерть родного сына.

Городу этот визит обошелся в 3117 гульденов и 6 стюйверов. В эту сумму вошли расходы на устройство банкета в ратуше и народной потехи на реке, включая вознаграждение ее участникам: семь бочек пива по 12 гульденов бочка и 500 гульденов наливными. Победитель штурма укрепления, некий Хендрик Кнопс, счел, что

Взятие крепости на реке Маас
(M. Schoonbrood & J.S. Grossier.
Schetsen uit de geschiedenis
van Maastricht en omstreken.
Maastricht, 1924)

ему заплатили слишком мало и попросил «за свою отвагу» предоставить ему бесплатно статус полноправного бюргера Маастрихта, и эту просьбу городские власти уважили⁷.

Говорили, что именно во время пребывания Петра в Маастрихте губернатор, вынужденный с ним повсюду ходить с непокрытой головой, как того требовал этикет, простудился и менее чем через год скончался⁸. Как сказано в одном посмертном панегирике ему, барон де Допфф «унес с собой в могилу сожаления всех горожан, уважение всех военных и дружбу всех монархов, заслуженные им благодаря свое-

му благородному образу мыслей, своему бесстрашию и услугам, оказанным отечеству и иностранным государям. <...> Кончину его следует приписать его тяжким трудам, когда он сопровождал повсюду царя Московского»⁹.

В Маастрихте можно найти и еще одно напоминание о посетителе из России. На улочке Ахтер-хет-Влейсхёйс, над дверью дома номер 10, помещен камень с латинской надписью «aDVenIt CzarVs MosChoVlae (Сюда прибыл царь Московии)». Это хронограмма, т.е. все заглавные буквы в надписи являются одновременно римскими цифрами — *M*(1000), *D*(500), *C*(100), *L*(50), *V*(5) и *I*(1) — и дают в сумме дату: 1717 год. Надпись перенесена с дома барона де Крассира на улице Бокстрат, где Петр провел одну ночь. В 1840 г. дом снесли¹⁰, но сохранился рисунок с его изображением, выполненный Филипом ван Гюлпенем незадолго до сноса. Надпись на нидерландском языке, связанная с Петром, высечена на стене одной из пещер позади принадлежавшего губернатору Допффу замка

STADT-HUYS VAN MAASTRICHT
1715

ELEVATION de devant de la nouvelle
MAISON DE VILLE à MAASTRICHT
1715

Рагуша Маастрихта
(*Pieter Post. La nouvelle maison de ville de Maastricht. Leiden, 1715*)

*Александр Таратынов. Бюст Петра во дворце Нееерканне
(фото Вим Куденис)*

Надпись «За Мясным домом № 10» в Маастрихте
(фото *Вим Куденис*)

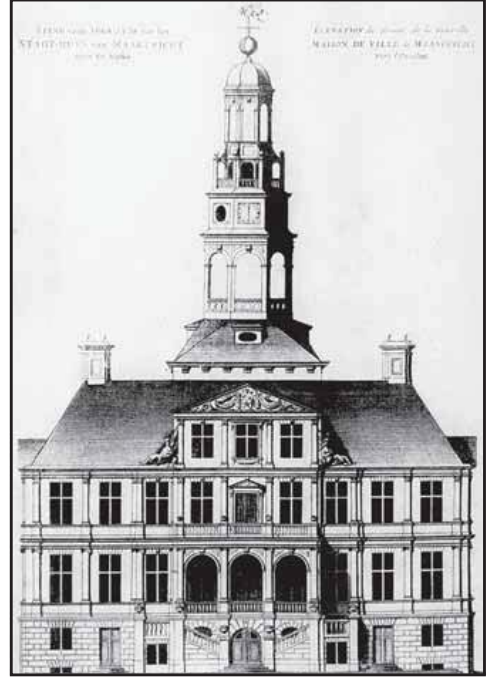
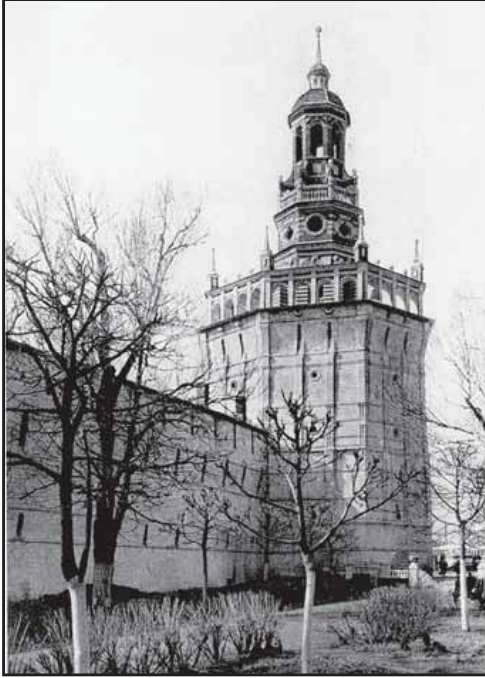
Надпись о пребывании царя Петра в пещере
в замке Нерканне в Маастрихте (фото *Этьен ван Слун*)

Эгермонт: «Здесь был царь Московии 26 июля в год 1717-й»¹¹. Кто эту надпись сделал, не узнать уже никогда, но вряд ли это был Петр: он не назвал бы себя царем Московии.

О визите русского властителя в ратушу Маастрихта существует легенда, помещенная на сайте города. Согласно этой легенде, 27 июля 1717 г., когда городские власти угощали Петра обедом в ратуше, ему поднесли роскошно изданную за два года до этого книгу с рисунками голландского архитектора и художника XVII в. Питера Поста¹², построившего ратушу. Высокий гость пролистал книгу с интересом, но нашел, что она слишком тяжела, чтобы тащить ее с собой в далекую поездку, и что вес этого издания несоизмерим с его не столь уж большой практической ценностью. С решительностью просвещенного деспота он просто вырвал из книги два изображения, которые ему особенно понравились: башню ратуши и ангела на первом листе. Книгу же оставил в ратуше, где ее сохранили как мемориальный раритет. В Москве царь вспомнил башню маастрихтской ратуши, когда решался вопрос о том, какую колокольню возвести в Троице-Сергиевой лавре. Ее колокольня — точная копия башни¹³.

На том же сайте эту лестную для города легенду опровергает местный знаток России, который не обнаружил между колокольней Троице-Сергиевой лавры и башней маастрихтской ратуши ничего общего. Однако сравнивать в лавре надо не с колокольней, а с Уточной башней: ее большое сходство с башней ратуши в Маастрихте впервые отметил искусствовед Б.Р. Виппер¹⁴. В своем электронном письме ко мне от 13 апреля 2012 г. Серве Минис из маастрихтского Городского отдела культурного наследия высказал предположение, что легенда о вырванных Петром страницах из книги родилась позднее, но «некоторую достоверность» ей придает тот факт, что Уточная башня вполне соответствует выполненному архитектором рисунку с проектом башни ратуши, в то время как в самом Маастрихте от проекта несколько отклонились, построив башню не каменную, а деревянную, обшитую свинцом. Историк архитектуры из Петербурга Сергей Горбатенко, в свою очередь, убежден, что маастрихтская ратуша явилась для Петра источником вдохновения при возведении собора в Петропавловской крепости: воздвигнутый над ратушей крест мог послужить образцом для шпиля собора.

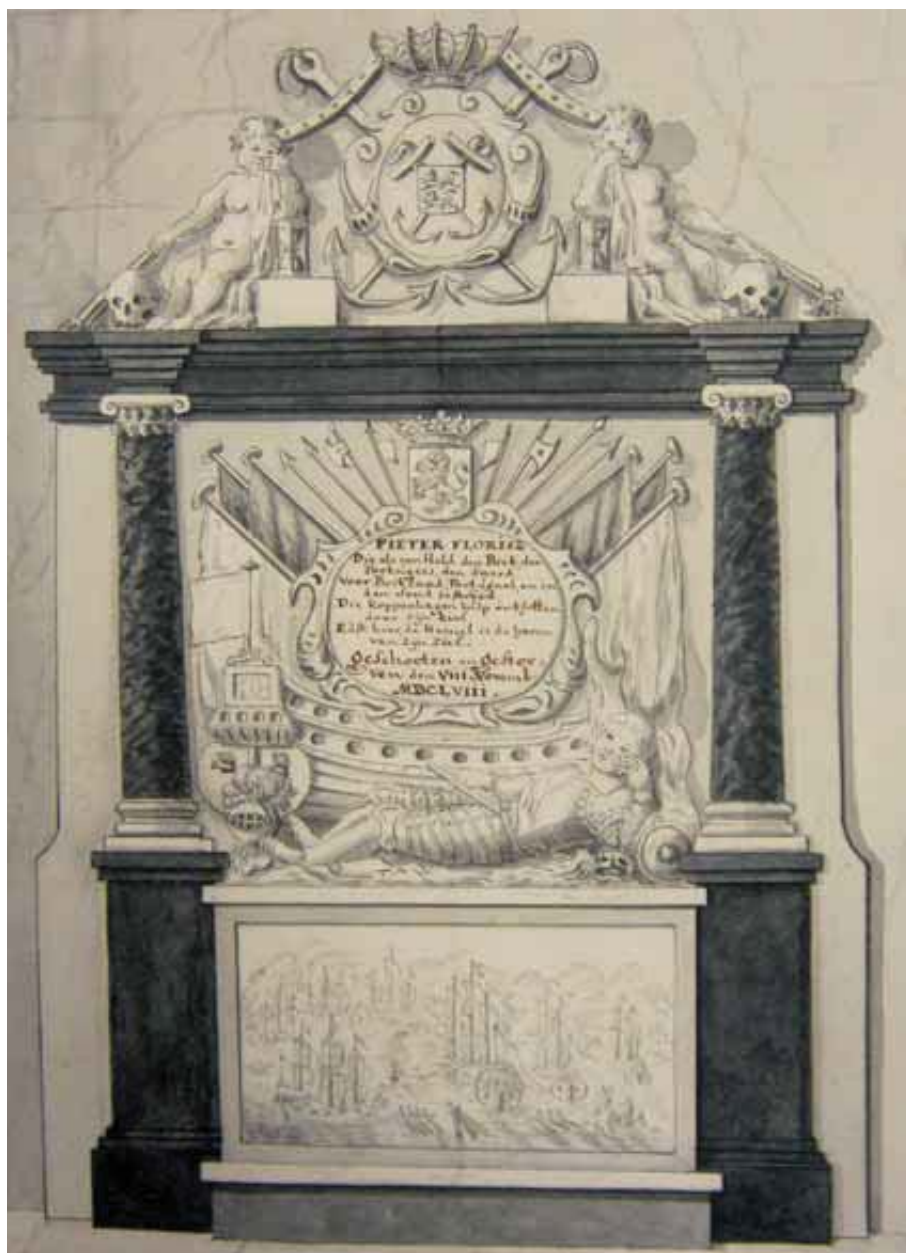
«Маастрихтская ратуша увенчана крестом, на который левой рукой опирается ангел, несущий в правой пятиконечную звезду. Если сравнить его фигуру с изображенной на проектном рисунке Д. Трезини 1722 года, сходство двух ангелов представляется очевидным»¹⁵.

«Утичья башня» в Сергиевом Посаде и Рагуша Маастрихта
(Б.Р. Виннер. Архитектура русского барокко. М., 1978)

Картина местного художника Серве Миниса, изображающая визит вел. кн. Марии Владимировны в Неерканне в 1991 году (Дворец Неерканне, фото *Вим Куденис*)

Надгробие Питера Флорисзона в Гроде Керк в Хорне

Покинув Маастрихт, Петр проследовал через города Маасейк, Рурмонд, Венло, Гауда и Граве. В Маасейке врач Михил Корстен, который с 1702 по 1732 г. вел дневник, записал:

«О царе или императоре Московии. В июле, думаю — 28-го утром, проплыл здесь корабль с царем Московии (это примерно то же, что император или король), направляющимся из Франции через Брабант в Голландию, где, как говорят, находится его жена. Одет он просто, и людей при нем мало. О цели его знают только, что он хочет осмотреть страну, и это несколько странно и ничего подобного никто никогда не видел и не слышал»¹⁶.

Того же мнения придерживались и многие другие современники. В Граве царь сошел на берег. Можно с уверенностью сказать, что он осмотрел там укрепления, выдержавшие в прошлом не одну осаду. Граве расположен на границе областей Брабант и Гелдерланд, а потому многие, будь то испанцы, голландцы или французы, стремились захватить этот стратегически важный центр.

2 августа венценосный путешественник вернулся в Амстердам, где к нему на следующий день явились представители Генеральных штатов граф Албемарл и Хюго Репелар. Великому пенсионарию Хейнсиусу они доложили:

«После того как вчера вечером около половины девятого Его Величество царь Великой России прибыл без всякой огласки в этот город, сегодня утром мы попросили у него аудиенции, каковая и была нам дана в три часа. Мы имели честь вторично поприветствовать Его Величество в этом городе и высказать ему соответствующие пожелания от имени Высокомочных [Генеральных штатов], на что Его Величество ответил, что это ему очень приятно, и попросил нас поблагодарить Высокомочных от его имени»¹⁷.

ХОРН

В начале августа Петр побывал на рейде Ост-Индской компании у острова Тексел и в городе Хорн. Из официального путевого дневника: «В 27 день [7 августа] их величества поутру на яхте пришед к одному караблю остинскому, называемому «Елизабет», которой в 38 пушек, и на оном его величество изволил быть. Тот карабль нагружен пряными зельями, и на оном изволил быть с четверть часа, потом поехали назад и, доехав до Горна [Хорна], начевали»¹⁸. На рейде острова Тексел суда компании останавливались по пути в Азию за пряностями, хлопком, шелком и фарфором — и обратно. В XVII—XVIII вв. там было очень оживленно: шла погрузка и разгрузка, а на дамбе стояло множество зевак. Корабль «Элизабет»,

построенный в 1714 г. для амстердамского отделения компании, бороздил океаны вплоть до 1738-го.

Согласно неопубликованной хронике города Хорн, в прекрасный безветренный день 6 августа 1717 г. бургомистр Дирк ван Форест, который по совместительству был в Хорне управляющим отделения Ост-Индской компании, прибыв на рейд острова Тексел, чтобы команду очередного вернувшегося из Азии судна «освободить от присяги и службы», встретился с русским царем, которого сопровождали царица и его вельможи. Их туда доставили две адмиралтейские яхты из Амстердама. Со своей яхты царь на шлюпке с гребцами добрался до яхты Дирка ван Фореста. Тот его со всеми почестями принял, и «после часового разговора Его Величество попрощался и отбыл на шлюпке на одну из тех яхт, провожаемый салютом из пяти пушек»¹⁹. Поскольку Дирк ван Форест (1676–1717) принимал Петра как представитель Ост-Индской компании, а не в качестве бургомистра, то в Городском архиве Хорна никаких упоминаний о визите русского государя не найдено.

В Хорне Петр Алексеевич навестил своего «бывшего учителя математики и штурманского дела» Яна Альбертсзона ван Дама (1670–1746), которого ему в свое время порекомендовал бургомистр Амстердама Николас Витсен²⁰. Ученик крупнейшего в XVII в. голландского математика Дирка ван Ниропа²¹, Ян ван Дам был не только математиком, но и астрономом, землемером и поэтом²². По словам местного историка, в Хорне гость из России велел открыть ему двери склепа вице-адмирала Питера Флорисзона, уроженца Хорна, погибшего в 1658 г. в проливе Эресунд между Данией и Швецией. Голландский флотоводец, воевавший, в частности, со шведами, несомненно, интересовал Петра и вызывал у него уважение — отсюда желание царя посетить могилу героя²³. Визит в Хорн, увы, не прошел без помех: «Когда царь осматривал верфи, любопытствующих собралось столько, что он разгневался и быстро покинул город»²⁴.

АМСТЕРДАМ

В августе в Голландии царица Екатерина заступилась за одного заключенного в городке Монникендам, близ Амстердама. Это был, как пишет Якобюс Схелтема, Николас Мёйс ван Холей (1653–1717)²⁵, амстердамский адвокат, осужденный в 1708 г. на 25 лет тюрьмы за то, что, затеяв процесс против некоей вдовы, которую он обвинял в незаконном присвоении наследства ее покойного мужа, печатал «клеветнические письма, прошения и иные подстрекательские писания, оскорбляющие и бесчестящие судью и других особ»²⁶. По отбытии наказания он должен был быть навечно изгнан из провинции Голландия.

Почему Схелтема решил, что речь шла именно об этом лице, остается загадкой, ведь адвокат 18 мая 1717 г. скончался²⁷, а прошение о помиловании было подано лишь летом. 19 августа князь Куракин от имени царицы обратился к провинциальным штатам Голландии и Западной Фрисландии с просьбой о встрече «ради человека, находящегося в заключении в Монникендаме из-за непредумышленного убийства». Посол попросил узника помиловать и выразил надежду, что штаты «не причинят Ее Величеству огорчения, отказав в этом»²⁸. Еще 4 августа граф Албемарл передал Хейнсиусу слова Куракина о том, что «царица принимает близко к сердцу дело человека, сидящего в тюрьме в Монникендаме, и надеется, что ее просьба будет исполнена»²⁹. С 6 по 8 августа из Монникендама Хейнсиусу отвечали, что «ходатайство Ее Царского Величества о спасении тем или иным образом этого заключенного» поступило слишком поздно и отсрочить казнь уже невозможно. И если власти хотели пойти царице навстречу, то им следовало принять все необходимые правовые меры своевременно. Из той же переписки мы узнаем, что судьи (целых 24 человека) долго и горячо спорили, прежде чем единогласно постановить, что казнь осужденного все-таки состоится³⁰.

То, что это прошение о помиловании не было удовлетворено, должно было не на шутку рассердить Петра, тем более что подобное его заступничество 20 апреля того же года в Австрийских Нидерландах как раз возымело действие. Когда он осматривал Остенде, рассказано в путевом дневнике, «случилась быть в том городе экзекуция или казнь вора, между которыми был один солдат також за вину приговорен к смерти, и оный просил Его Величества, чтобы для пришествия Его Величества от смерти был избавлен; и Его Величество милосердуя о том солдате, изволил говорить об нем тамошним управителям, чтоб они его не казнили: что они по предложению Его Величества немедленно исполнили, и онаго от смерти свободили»³¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что в путевом дневнике успешное заступничество государя за осужденного узника в Остенде подробно описано, тогда как о подобном же ходатайстве в Республике Соединенных Провинций даже не упоминается. В составленном для потомства официальном отчете о поездке не могло быть, очевидно, и следов какого-либо дипломатического конфликта. Между тем 22 октября, уже после того как высокие гости покинули Голландию, посол Куракин повторил настойчивую просьбу царицы о помиловании того же узника³². В протоколах городской управы Амстердама за 28 апреля 1718 г. отмечено, что «ходатайствовать за несчастного заключенного и осужденного в Монникендаме ради его помилования продолжают с тем же рвением», будь то князь

Куракин или граф Албемарл, заявивший, в частности, что узник уже начинает сходить с ума. Поэтому городская управа приняла предложение «друзей Питера де Негре» передать его им, «чтобы он находился у них до тех пор, пока не будет в состоянии, позволяющем вывезти его за пределы страны»³³. Так русский самодержец в конце концов добился своего.

В том же августе 1717 г. в Амстердаме скончался его бывший бургомистр Николас Витсен, знаток России, пользовавшийся доверием и уважением Петра. Царь навещал умирающего незадолго до его смерти, но на похоронах не присутствовал. Их общего знакомого вице-адмирала Корнелиса Крюйса, состоявшего на русской службе, он 13 августа известил, что потерял в лице Витсена «старого друга»³⁴. В те же дни умер и бургомистр Амстердама Геррит Хофт, один из тех, кто в 1716 г. официально встречал и приветствовал Петра в Голландии. Хофта царь тоже почтил своим посещением перед его кончиной, но состояние больного от этого только ухудшилось. «Очень сожалею, — написал, узнав об этом, Хейнсиус, — что господину Хофту из-за визита Его Царского Величества опять стало хуже. Желая ему скорейшего выздоровления на пользу городу и государству»³⁵.

Пока Петр ездил во Францию, жена его оставалась в Голландии — в загородном доме Осипа Соловьева в лесу Харлеммерхаут под Харлемом. В этом доме побывал несколько раз и сам царь. Чтобы развлечь Екатерину, город Амстердам организовал для нее 14 мая потешный морской бой. Как видно из газеты «*Эйрописе Меркьюриус*», несколько больших яхт адмиралтейства, а также *Ост-Индской* и *Вест-Индской* компаний, разделили на две эскадры под разными флагами, и в бухте Эй при огромном скоплении народа на берегу и в присутствии царицы, находившейся на еще одной яхте, эти эскадры начали обстреливать одна другую. С наступлением вечера они «соединились, заключили мир и проводили Ее Величество в город». Ни одна из сторон не одержала победы, и, как отметил в своих сатирических стихах издатель еженедельника «*Амстердамсе Меркьюриус*» Ян ван Гейзен, по окончании спектакля моряки обеих эскадр с удовольствием пили за здоровье друг друга, но особенно «за здоровье Ее Царского Величества, наших адмиралов и господ граждан Амстердама». 17 августа подобным же потешным морским боем угостили по просьбе Петра и его самого. Этот бой был, по свидетельству того же стихотворца, самым большим, какой когда-либо видели в Амстердаме, и время не сможет стереть его из памяти зрителей.

Еще интереснее рассказ об этих ярких зрелищах на воде, которым поделилась в письме к подруге Мария Схап (1658–1725), супруга

in de KERCK van EGMOND op den HOEF

Надгробие Николаса Витсена в церкви Эгмонда

Хендрика Бикера, в 1717 г. бывшего в Амстердаме одним из отцов города. Вместе с двумя другими местными дамами высокого статуса госпожа Схап смотрела на морской бой, устроенный для царицы, рядом с ней и разделила с ней трапезу.

«Там было мясо, но русские три дня в неделю ни мяса, ни масла не едят, и это был один из таких дней, так что она [Екатерина] только отведала апельсинов и миндаля и пила шоколад и чай, которыми мы Ее Величество угостили и попотчевали. <...> Но все те придворные дамы, которые не исповедуют русскую веру, ели».

Один из пушечных залпов, которыми обменялись противоборствующие эскадры, был настолько мощным, что там, где сидели Екатерина и ее окружение, «наши стаканы разлетелись, и осколки чуть не ранили царицу в шею». Не забыла автор письма упомянуть и о том, что русская государыня, «весьма любезная» и державшаяся непринужденно, подарила всем трем голландским дамам по четыре собольих меха каждой. «За это мы вновь приехали ее благодарить, однако без наших мужей».

Во время второго морского боя, на котором Екатерина присутствовала уже с мужем, «царь сначала плывал для своего удовольствия на собственной яхте, которую сам построил, а потом перешел на большую яхту. Там, когда с чужого судна стреляли из мушкета дробью, 2–3 дробины прошли навывлет через верхнюю одежду царя, что вызвало некоторую тревогу»³⁶.

Пока русские и французские дипломаты трудились над условиями Амстердамского договора между Францией, Россией и Пруссией, царь посещал, как мы уже знаем, голландских художников. «...Он ясно показывал, что у этого путешествия цель совершенно иная, чем у предыдущего, — писал Схелтема. — Не ограничиваясь делами кораблестроения и торговли, он проявлял интерес также к наукам и искусствам и прежде всего посещал виднейших художников. Он часто часами смотрел, как они работают над тем или иным произведением, разговаривал с ними о творениях их кисти и кисти других и так вырабатывал в себе хороший вкус в оценке картин»³⁷. Пользуясь советами своего придворного живописца швейцарца Георга Гзелля, Петр ходил на аукционы и покупал для своих резиденций в Петербурге и Петергофе работы Рембрандта, Яна Стейна, Филиппа Ваувермана, Адриана ван Остаде и других, поныне украшающие Государственный Эрмитаж. Тогда же он позировал для портрета Арнольдусу Бонену, как прежде, в марте, Карелу де Мору.

Вместе с царицей и со своим лейб-медиком Эрскином царь четыре раза побывал в Ботаническом саду, где его гидом был, как и в первый его приезд (1697), анатом Фредерик Рюйш. О последнем таком визите поведала в письме к подруге та же Мария Схап, муж которой Хендрик

Spiegel - Gevecht op 't Y,
ter eere van de CZAARIN van MOSCOVIEN.

*Барент де Баккер. Учебный бой на реке Эй
в честь московской царицы. Гравюра*

Бикер не только входил в число руководителей города, но и был комиссаром Ботанического сада. Как жена комиссара она со своими двумя дочерьми встречала и сопровождала в саду царицу.

«Царь осматривает все растения, деревья и травы с таким вниманием, как будто он сам садовник, и все, что ему нравится, записывает. Ходит он, как человек дикий и необузданный, он очень неряшливый и неаккуратный, и ест весьма неопрятно, харкает и плюет прямо на ковры, и свита его поступает так же, без всякого уважения. Царица же ведет себя подобающим образом, она чистоплотна, знает очень много деревьев и трав. Большое удовольствие доставила ей мимоза стыдливая: когда ее трогаешь, она свертывается. После того как они осмотрели все травы, мы опять откушали за столом Их Величеств вместе с придворными дамами, моей дочерью, нашими мужьями и одним князем; но блюда были только холодные. Ели они всего понемногу, пили не так, как царь, который выпил полбокала шнапса. У него слабый желудок, и он ел собственный хлеб, который очень темный, с твердой коркой, и который он посыпал солью. Князь Куракин тоже прибыл. На следующий день мы явились пожелать Их Величествам счастливого пути; это было в среду»³⁸.

Августейшая чета покинула Амстердам 2 сентября, а значит, последнее посещение ими Ботанического сада состоялось 1-го.

15 августа Амстердамский договор между Францией, Россией и Пруссией был подписан. Россия официально признала условия Утрехтского мира 1713 г., положившего конец войне за испанское наследство. Франция отказалась предоставлять дальнейшую финансовую помощь Швеции и обещала принять условия готовившегося мирного договора этой страны с Россией. Царь и король Пруссии согласились на посредничество Франции при заключении мира со Швецией.

Голландцы ожидали, что царь до отъезда подпишет с ними торговый договор, включающий в себя снижение таможенных пошлин в России в пользу Республики. По сведениям амстердамской «*Эйропише Меркюриус*», проект такого договора уже был представлен венценосному гостю.

«Однако этот монарх не соизволил вступить ни в какие подобные соглашения, рассчитывая, видимо, в будущем продолжать торговлю силами своих собственных кораблей. Единственное соглашение, на которое Его Царское Величество во время своего пребывания в *Соединенных Нидерландах* пошел, был некий договор о дружбе и союзе, заключенный 15 августа между *Францией*, с одной стороны, и царем *Великой России*, а также королем *Пруссии*, с другой, и служащий только для того, чтобы облегчить путь ко всеобщему миру на *Севере* и принудить к нему короля *Швеции*...»³⁹.

JAN VAN GYSENS
 2de ste MAANDAAGSE
 AMSTER- DAMSCHE
 MERKU- RIUS;
 Verhalende het
 SPIEGEL-GEVEGT,

Vertoond voor haare Majesteit de Czarinne van
 Groot Rusland, op 't Y, den 14 Mey 1717.

DE Moeder Stad aan 't Y, het Hooft van haar Gebuuren,
 Wiens naam dat Nydt, en Tydt, en knuwentzal verduuten,
 Gestregd, Gellefkkooft van de grootte Niemandheyt,
 En als een Keyzerin der Sroomen ingebeten,
 Geslyd, en ondeschrygd door zes-en-dertig Rassen,
 Belooners van het goet, en straffers van het kwade,
 Deen dag 't geluk, en d'eer gehad.

De brech via
 Fil. Del.

A

Сатирический листок «Амстердамский Меркурий» Яна ван Гейзена
 (Королевская библиотека в Гаге)

Британского посла в Гааге Чарлза Витворта, узнавшего о подписании договора не сразу, мучили недобрые предчувствия. 24 августа он известил свое правительство, что явился 20-го ко двору Петра «в надежде найти Его Царское Величество. Его ожидали 21-го и приготовили все для обеда, но он внезапно изменил свои намерения и, осмотрев несколько загородных домов по соседству, отправился прямо в провинцию Гелдерланд. Полагают, что он посетит дом милорда Албемарла в Ворсте, а 26-го поедет в Ло, дабы отпраздновать Вознесение Девы Марии по обычаю своей страны, так как он впервые взял своих министров с собой в такую поездку. Мы склонны думать, что у него на уме нечто большее, чем простое развлекательное путешествие»⁴⁰.

27 августа в Лондон ушла новая депеша:

«Я только что вернулся от посла Франции. <...> Однако он положительно и обстоятельно отрицает, что вел хоть малейшие переговоры с царскими министрами. По его словам, если какой-либо проект такого рода и готовится во Франции, ему об этом не сообщали и в его инструкциях об этом не упоминалось. Единственным поручением, которое ему дали, было высказать царю учтивое приветствие. Затем он рассказал мне, как ужинал с царем в тот вечер, когда тот прибыл, как обедал на следующий день с его министрами и, в свою очередь, принимал и угощал их 18-го, но он уверяет меня, что они ни разу не говорили ни о каких серьезных делах»⁴¹.

На успешные переговоры своего союзника Франции с русским царем Англия реагировала крайне отрицательно и попыталась добиться международной изоляции России. Поэтому в одном из писем к своему послу Куракину Петр назвал англичан «проклятыми обманщиками»⁴². Но как бы они ни старались извлечь выгоду из еще продолжавшейся вражды между Россией и Швецией, в августе 1721 г., с подписанием Ништадтского мира, покой на Севере наконец наступил.

ЛО И АПЕЛДОРН

С 20 по 27 августа царь побывал в Ло, в принадлежавшей стадахудерам, а позднее королям и королевам Нидерландов, усадьбе с дворцом и парком. Там проживала в ту пору принцесса Мария-Луиза Гессен-Кассельская (1688–1765), вдова стадахудера Йохана Виллема Фризо, принца Оранже-Нассау. Незадолго до этого в Амстердаме она присутствовала на устроенном в честь Петра морском сражении, а теперь он навестил ее в Ло. Как отмечает местный историк-краевед, Петр ездил туда инкогнито,

но на участке пути между Девентером и Вортхёйзенем ему пришлось нанять 600 лошадей и множество возниц. Ночевал гость не во дворце молодой вдовы, а в соседнем городе Апелдорн, в гостинице, которая с 1721 г. отнюдь не случайно называется «Кейзерскрон [Императорская Корона]» и поныне остается одной из лучших в Апелдорне⁴³.

Поездка в Ло была не просто визитом вежливости. Для подготовки прямых мирных переговоров между Россией и Швецией царь 21-22 августа тайно встретился в Ло с представителем шведского короля бароном Георгом Хайнрихом Гёртцем⁴⁴. Голландские власти к деятельности этого шведского агента относились куда менее благосклонно, считая барона интриганом, тем более что тот уже успел посидеть в Голландии в тюрьме⁴⁵. У графа Албемарла был в Ло соглядатай, который доносил ему обо всем, что там делал русский монарх. 25 августа из своей усадьбы в Ворсте, недалеко оттуда, граф написал Хейнсиусу:

«Царь прибыл в субботу в Ло. Думаю, что принцесса Нассау приехала туда накануне вечером, поскольку царица тоже там. Их Величеств настойчиво приглашали остановиться в доме, но они отказались. И царь, и царица оставались в дурном трактире вплоть до вчерашнего дня, когда принцесса Нассау отбыла в Леуварден. Тогда они перебрались в дом, где и находятся еще сейчас. Завтра⁴⁶ они совершат свои обряды в Ло, а уедут оттуда послезавтра, дабы в Хардервейке сесть на корабль с намерением вернуться в пятницу в Амстердам. Все, что я Вам говорю, доложил один человек, который есть у меня в Ло и ежедневно сообщает мне новости, ибо сам я преспокойно нахожусь здесь, делая вид, будто и не знаю, что у меня столь высокие соседи.

Господин барон Гёртц в воскресенье был в Ло и возвратился в понедельник в Зютфен. Нет сомнений, что у него была беседа с царем. Достоинно удивления, что нам приходится видеть, как ведут такие интриги в нашей собственной стране. Во имя Господа Бога, что же будет с этим бароном Гёртцем: должен ли он все время оставаться здесь? Благодаря своим расходам в этой маленькой дыре Зютфене он уже подчинил своим интересам всех ее жителей, и я полагаю, что в конце концов он будет управлять всеми нами. Сам я этого человека не видел. Он об этом, по правде говоря, не просил, но если бы и попросил, я бы ему отказал наотрез»⁴⁷.

УТРЕХТ

В ходе своего второго путешествия Петр посетил Утрехт четырежды. Два раза он его просто проехал: 16 декабря 1716 г. по пути в Амстердам и 2 сентября 1717-го, покидая Республику. Осмотрел же он город 10 марта, в обществе Екатерины и нескольких приближенных. По словам Схелтемы, «сиятельные путешественники осмотрели там все со вниманием. Царь провел долгое время на башне собора»⁴⁸. Схелтема, как обычно, не ссылается на источники, однако не подлежит сомнению, что Петр во всех подробностях ознакомился с замечательным готическим собором св. Мартена в Утрехте, чья 112-метровая колокольня — самая высокая в стране.

Но только «*Эйрописе Меркюриус*» упоминает визит Его Величества в Утрехт еще и в августе. По сообщению газеты, он посетил близ Утрехта шелкопрядильную мануфактуру купца Давида ван Моллема. В принадлежащей этому купцу усадьбе Зейдебален на реке Вехт, под Утрехтом, высокий гость побывал во второй половине августа, как указал в XVIII в. в своем монументальном описании России Йохан Фредерик Рейтц⁴⁹ (Схелтема относит этот визит к марту). Усадьба с мануфактурой стала известным во всей Голландии промышленным центром, а к 1740 г., незадолго до смерти, Давид ван Моллем построит там прекрасный жилой дом с садом, в котором росли апельсины и лимоны, бананы и фиги, миртовые и лавровые деревья, алоэ и даже кофе⁵⁰. Поэты воспевали Зейдебален на все лады⁵¹.

На предприятии, основанном в 1681 г. амстердамским купцом Якобом ван Моллемом и его сыном Давидом, трудилось 250 человек, в основном женщины и дети, оно было вторым производителем шелка в стране⁵². Не только труд обходился владельцу дешево, но и энергия. Вращаемое водой лопастное колесо приводило в движение множество других механизмов⁵³. Если верить Рейтцу (а он писал в 1744 г. и мог еще опираться на свидетельства очевидцев), извечное любопытство Петра чуть его не погубило. Желая испытать напор воды и для этого попробовать удержать одно из колес, он едва не оказался зажат и раздавлен вращающимися колесами. К счастью, стоявший поблизости слуга обхватил его руками и силой вытащил из опасного положения. Царская свита, не успев понять, что произошло, была поражена грубым поступком слуги и ожидала, что государь обрушит на него свой гнев. «Однако Его Величество, сознавая опасность и всю преданность этого человека, милостиво его обнял и с сердечной ласковостью поблагодарил»⁵⁴.

В самом городе долго жило предание о том, что, гуляя по Утрехту, русский монарх был растроган латинской надписью на одном из домов на улице Спрингвег (дом не сохранился). Надпись в переводе

Усадьба «Zijdebalen»
(De Zegepralende Vecht... Амстердам, 1719)

гласила: «Когда живешь праведно, не бойся злых языков», считается, что Петр утешался этой мыслью год спустя, когда во всей Европе его осыпали упреками после внезапной смерти Алексея⁵⁵.

Под конец своего пребывания в Голландии, во второй половине августа, Петр посетил еще несколько мест. Среди них — временный загородный дом Осипа Соловьева в лесу Харлеммерхаут. Царский агент проживал там уже много месяцев, уступив свой собственный дом в Амстердаме государю и государыне⁵⁶. Один из соседей Соловьева под Харлемом, богатый местный купец Питер Коларт, который любил жить на широкую ногу (это его со временем разорит), устроил в честь Петра большой праздник. Торжество это было бы давно забыто, если бы в ходе него хозяйка дома не продекламировала сочиненные ею стихи, восхвалявшие великого гостя из России. Элизабет Коларт, урожденная Хофман (1664—1736), по тем временам блестяще образованная женщина, писала стихи не только на нидерландском языке, но и на латинском, а в возрасте 16 лет перевела всего Горация. Ода, которую она прочла русскому царю, вышла из печати вместе с другими ее стихами лишь почти через сорок лет после ее смерти.

«ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ
ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ,
ИМПЕРАТОРУ ВСЕРОССИЙСКОМУ,
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ

Героев воспевать привыкшая давно,
На флейте иль на цитре — все равно,
Их возносить туда, где солнце лишь одно, —
Забудь героев.

Оставь Ахилла, как ни славен он;
Не пой о Цезаре, не нужен Сципион,
И царь Ликург, что людям дал закон,
Их жизнь устрои.

Атланта славь, что держит на плечах
Весь Север! Россов царь — у мира на устах.
Вождь христиан, о в скольких же краях
Свой стяг он поднял!

Сия награда с бою им взята;
Из волн понтийских вышла слава та,
Когда у турок, ненавидящих Христа,
Азов он отнял.

О подвигах его везде Молва гласит.
То в поле саблей он врагов разит,
Оставив им кровавой жатвы вид,
Тел мертвых груды;

То, смерть презрев, он крепости берет;
То, в час иной, построенный им флот,
Сердца врагов круша, бросается вперед,
Под гром орудий;

То меры мудрые крамолу усмирят.
Пусть шведов, и татар, и турок длинный ряд,
О доблести *Петра* пусть, плача, возвестят
В своем отчаяньи.

Но не военным подвигам лишь честь.
Уж лавров на главе его не счесть.
Еще прекраснее венки на свете есть —
Им увенчай его!

Нет, больше, чем батальные дела,
Славь ум его, ведь издавна была,
Как ни обширна Русь, но для него мала.
О светлый разум,

Понявший, что наука, мудрость, труд
Какие только горы не свернут,
Любой народ от темноты спасут,
Всех граждан разом.

Советников ему не нужно с давних пор
Иль тех, кто вместо правды пишет вздор.
Вокруг *Петра* ты не услышишь хор
Льстецов придворных.

Он выше, выше свой стремится полет.
Орлу подобно, взмыл под небосвод.
Уверен он, что славен будет плод
Трудов упорных.

Какой монарх сравнится с ним иной!
За морем посещал страну он за страной.
Полезных тайн искать, хотя б и под землей,
Ему по нраву.

Подхватывает все, в чем польза и урок,
Что строит города и отразит порок,
Что мореплаванью с торговлей идет впрок,
Крепит державу.

Он немцев пролетел лесистую страну.
Все в Польше высмотрел, к датчанам заглянул.
И вот уже соленую волну
Он рассекает.

Его приветствовали бритты с белых скал.
Когда ж корабль его в Париж вплывал,
Восторженно шумел там пылкий галл,
Царя встречая.

Достойный оказал ему прием
Народ голландский, в счастья своем,
Что встреча их с прославленным царем
Вторая это.

Царица с ним, любимая жена,
Сияньем красоты окружена.
И рядом с ним по праву и она
В стихах воспета.

О властелин! Благословенный свет
Ночь варварства рассеял прежних лет
И вечной благодарности завет
Стране оставил.

Ты славою героев превзошел.
Бессмертье имени в истории обрел.
Божественный поэзии глагол
Тебя восславил»⁵⁷

Представляется маловероятным, чтобы Петр с его простым, повседневным нидерландским мог понять эту изысканную оду. Но кто-либо из присутствующих вполне мог передать ему ее необычное содержание. Поэтесса воспевает не героя древности, а своего современника. Он обладает тремя важными достоинствами: господствует над всем Севером (в XVIII в. Россия в восприятии западных людей находилась на севере), его заслуги у всех на устах и он борется с врагами христианства — турками. Еще выше военных подвигов Элизабет Коларт ставит его разум: он ищет за границей знаний, понимая, что только науки и искусства выведут его народ

из тьмы невежества. В течение жизни всего одного поколения сумел привести свою страну к просвещению этот идеальный правитель: любознательный, мудрый, трудолюбивый, открытый всему новому. Именно таким Петр хотел бы запомниться голландцам и всем остальным.

ЗАНДАМ

Петербургский историк архитектуры Сергей Горбатенко назвал второе путешествие «ностальгическим»⁵⁸. Больше всего это можно было бы отнести к его повторному визиту в Зандам, занимавший в сердце Петра особое место. Ведь это там он в августе 1697 г. впервые познакомился с Голландией. Еще в Воронеже голландские корабельные плотники рассказывали ему о верфях на реке Зан. Зандам и окрестности представляли собой в ту эпоху впечатляющий промышленный комплекс, «Мекку судостроения»⁵⁹. Так что повышенный интерес молодого государя к Зандаму был оправданным.

Едва русское «Великое посольство» добралось до Амстердама, как Петр поспешил один в Зандам. По преданию, еще вплывая в поселок, он увидел на берегу своего старого знакомого Геррита Киста, зандамца, который когда-то работал в Москве. Царь снял у него часть домика и, желая сохранить инкогнито, велел Кисту помалкивать. На верфи Линста Рогге он трудился всего неделю. Остаться неузнанным не удалось: Петр бывал в гостях у жен тех зандамцев, которые работали в России, раздавал подарки тем, кого знал, а также местной девице, за которой ухаживал. Весть о том, что экзотический «великий князь Московский» поступил простым рабочим на зандамские верфи, быстро дошла до Амстердама, где на крупные суммы заключали пари: царь ли этот долговязый чужак или не царь? Когда назойливое любопытство зевак Петру надоело, он по прошествии недели покинул Зандам и перебрался в Амстердам. Помог ему в этом Николас Витсен, бургомистр города и управляющий Ост-Индской компанией, который и нашел ему работу и жилье на закрытых для посторонних амстердамских верфях компании.

Несколько дней, проведенных в Зандаме, оказались для только что прибывшего в Голландию Петра очень полезными. Еще до того, как увидеть Амстердам, он познакомился как бы с уменьшенной копией этого города. Научился первым приемам кораблестроения и собственными глазами убедился, к какому благосостоянию приводит голландское трудолюбие. Не исключено, что как раз там в голове царя поселилась идея соединять реки каналами. Наконец, по мнению автора прекрасной книги «Слава Зандама», в своем крохотном домике, столь непохожем на дворец, молодой самодер-

жец получил «урок смирения и простоты, лучшее, что мог дать миру Зандам в эту эпоху абсолютных властителей»⁶⁰.

Постмодернистская демифологизация культа Петра Великого породила высказывания о том, что постоянное связывание царя-кораблестроителя с Зандамом не соответствует исторической реальности. Ведь по-настоящему тот научился строить корабли лишь позже, в Амстердаме⁶¹. На берегах реки Зан будущий реформатор пробыл совсем недолго, но его позднейший образ в западной культуре, особенно в XIX в., основан преимущественно на пребывании в Зандаме. Известная немецкая оперетта Альберта Лортцинга «Царь и плотник» (1837), классика жанра, в свою очередь, вызвала к жизни многочисленные рассказы и пьесы о «царе-плотнике». И сам Зандам всегда гордился своим высоким гостем. Так, в 1897 г. там торжественно отпраздновали 200-летнюю, а в 1947-м 250-летнюю годовщину его прибытия.

На 200-летие разыграли сцену приезда Петра: несколько видных жителей Зандама в костюмах XVII в. приплыли на парусной яхте из Амстердама. Молодого монарха сыграл директор шоколадной фабрики. Яхту встречал целый флот судов и суденышек, после чего вся группа переодетых нотаблей прошествовала по городу. На второй день юбилея, 19 августа, показали пьесу «Петр Михайлов. Пребывание царя Петра Великого в Зандаме в августе 1697 года» Геррита Яна Хонига⁶². Пьеса вышла вскоре даже на русском языке, в переводе царского вице-консула в Амстердаме А.Е. Ловягина⁶³. Были изданы также «Песни под парусом», ведь праздник в честь Петра совпал с 15-летием местного общества любителей парусного спорта⁶⁴. Однако в песнях этих воспеваются добродетели людей Занского края, а вовсе не гостя из России.

В городском архиве мне удалось найти текст «Песни о царе Петре», переданный туда некоей госпожой Винк-Мюлдер. Она указала, что эту песню учила и пела еще школьницей ее мать, жительница Зандама, 1878 года рождения. Нехитрый текст песни хорошо показывает, какой представляли себе там историческую фигуру царя-реформатора:

«Прошел однажды утром по Зандаму чужак.
Никто не знал, откуда приехал он и как.
Был корабельный плотник и, скромный снявши дом,
На верфи он усердно работал топором.
Кто мастером быть хочет (так думать он привык),
Трудов не побоится — начнет как ученик.
И день-деньской на верфи, уж с самого утра,
Стук раздавался мощный лихого топора.
В манерах грубоватый, но с сердцем золотым,
Для всех стал Питер вскоре уже почти родным.

Но кто же этот плотник? Откуда прибыл он?
Какое судно строил для будущих времен?
То царь великий Петр, и, не жалея сил,
Корабль свой, Россию, он на воду спустил»⁶⁵.

В истории чествований Петра в Зандаме не обошлось без инцидентов. Когда в 1911 г. Николай II подарил голландскому городку копию нового петербургского памятника своему великому предку, работы Л.А. Бернштама⁶⁶, муниципалитет, состоявший из либералов, с благодарностью принял подарок. Социал-демократы же, находившиеся в оппозиции, не скрывали возмущения. Накануне открытия памятника они распространили памфлет, в котором напомнили, каким «царством тьмы в политическом, экономическом и умственном отношении» остается самодержавная Россия. «Страной не управляют — ее тиранят. <...> Россия — воплощение всего, что есть реакционного и преступного, где немногие “избранные” ввергают своих сограждан в пучину социального бедствия. <...> И из такой страны мы, зандамцы, получаем подарки». Что ж, пусть городская управа ставит сколько угодно памятников («если только не на деньги от наших налогов, естественно»), пусть бургомистр «со слезами благодарности и дрожащим голосом» восхваляет Россию, пусть «портят названия наших улиц русскими именами (как будто в Голландии нет своих великих людей!)», «но вы, рабочие, вы не станете петь у памятника, который предстанет перед вашим мысленным взором окутанный облаком крови рабочих. Нет, вы будете петь и радоваться в тот день, когда измученный русский народ сбросит ярмо и в титанической борьбе опрокинет опоры царизма»⁶⁷.

Памфлет не помог — памятник, изображающий Петра в виде плотника, который строит лодку, был 2 мая 1911 г. установлен и стоит и поныне в центре Зандама. На его открытии хор из 250 певцов и певиц исполнил специально написанную кантату, в которой были строчки: «Царь фартук плотника носил, / Блинами обедался» и «Потом всю жизнь он горевал, / Что в жены зандамку не взял»⁶⁸. Многие местные улицы получили русские названия. Память о петровской эпохе хранят Czaar Peterstraat, Menschikoffstraat, Koerakinstraat, Czarinastraat, Golofkinstraat и Jasykoffstraat (последняя носит имя генерал-лейтенанта А.П. Языкова, который в 1872 г. опубликовал в Берлине для широкого круга читателей на русском, немецком и нидерландском языках книгу о Петре в Зандаме). Добавим сюда также Tolstoistraat, Poeskinstraat и Tsjechovstraat. Дух сопротивления деспотизму, воодушевлявший некогда зандамских социал-демократов, воплощен в названии площади Sacharovplein. Впрочем, и ненавистный тогда левым силам последний властитель Российской империи тоже увековечен: есть в городе и Nicolaasstraat.

Брошюра к 200-летию Великого посольства в Зандаме
(Городской архив Зандама)

Праздники Царя Петра в 1947
(Городской архив Зандама)

История с памятником получила неожиданное продолжение. В 1919 г., спустя два года после того, как мечта зандамских единомышленников русских революционеров осуществилась, в Петрограде статую Петра, поставленную в 1910 г. у Адмиралтейства, убрали и переплавили. А в 1996-м, к 300-летию российского флота, с ее копии, которая стоит в Зандаме, изготовили еще одну копию, и королева Нидерландов Беатрикс подарила ее Петербургу⁶⁹.

Через тридцать лет после того как в России сбросили «ярмо царизма» Зандам праздновал очередной юбилей приезда русского царя. На сей раз никаких споров уже не было. Газета голландских коммунистов «*Вархейд [Правда]*» 12 марта 1947 г. отозвалась одобрительно и о «прогрессивном царе Петре», и о «нашем маленьком, но мужественном народе»⁷⁰. В августе, в присутствии посла и торгового атташе СССР в Нидерландах, в Зандаме прошли народные празднества, в августе под открытым небом около 250 человек в костюмах XVII в. представили «Игру о царе Петре» П.Х. Шрёдера и К. Спулстры, а в театре шла старая оперетта «Царь и плотник». Была исполнена песня на слегка измененные и дополненные стихи Элизабет Коларт⁷¹, которые та в 1717 г. декламировала самому Петру. В отличие от двухдневных торжеств 1897 г. те, что состоялись полвека спустя, продлились целую неделю.

Наконец, в 1996 г., по случаю 300-летия «Великого посольства», 7-8 сентября на реке Зан был устроен, как в петровскую эпоху, потешный морской бой и вновь разыграна сцена прибытия Петра в Зандам. Встречали гостя сестра королевы Нидерландов вместе с послом Российской Федерации⁷². Домик Петра был и остается местом паломничества для руководителей России. Так, в 1993 г. его посетил бывший президент СССР М.С. Горбачев. В 1997 г. намерение приехать туда выразил президент России Б.Н. Ельцин, но состояние здоровья не позволило ему это сделать, и вместо него прибыл председатель правительства В.С. Черномырдин. В 2005 г. в этом святом для русских месте побывал В.В. Путин в сопровождении наследного принца Нидерландов Виллема-Александра.

Вернемся, однако, в год 1717-й. Еще 26 февраля (9 марта) секретари Петра отметили в «Походном журнале»: «Царское Величество и с Государынею Царицею ездил в Сардам»⁷³, т.е. в Зандам. Столь же лаконична запись в официальном путевом дневнике: «В 26 день его величество и з государынею царицею из Амстердама ездили гулять на яхте в Сардам и обедали там у купца Калффа»⁷⁴.

Куда более подробно рассказывает о визите в Зандам местный торговец Ян Корнелизон Номен. Более того, он упоминает не одну, а две поездки: 5 и 9 марта. В ходе первой Его Величество навестил старого приятеля, зандамского купца Корнелиса Калффа, с которым успел познакомиться в 1697-м. Повидать его августей-

Первое известное изображение Домика Петра
(*Samuel Ireland. A Picturesque Tour through Holland, Brabant
and part of France made in the autumn of 1789. London, 1789*)

ший путешественник собирался уже давно. Когда в декабре 1716 г. на верфях Ост-Индской компании в Амстердаме ему встретился Питер Эйп, который был плотником на верфи в Зандаме, царь, по свидетельству Номена, сказал ему: «Надеюсь еще раз побывать в Зандаме, чтобы посетить старика Калффа»⁷⁵. Теперь он с Калффом и его сыном Николасом совершил небольшое плавание под парусом по реке Зан до селения Ког. Там они посетили бумажную мельницу и мануфактуру по производству крахмала. «По Зану их провожало несколько буер-яхт и много яликов, наполненных любопытными, желавшими видеть царя. Причалив к усадьбе К.М. Калффа, царь с яхты побежал прямо в дом, а на берегу Зана стояли люди, желавшие посмотреть на него». Все его понимали, «так как он хорошо говорил по-голландски»⁷⁶.

Те, кто знал Петра еще по первому визиту, в далеком 1697 г., отмечали, что «его царское величество за 19 лет значительно изменился к лучшему и стал веселее и общительнее». Но по-прежнему был крайне любознательным. Так, он «осмотрел крахмальный завод, и отведал кислую воду, в которой мочат пшеницу для изготовления крахмала. Он взял большой комок готового крахмалу, съел сам часть и дал затем кусочек одному из своих слуг, который его попробовал и выплюнул».

Четыре дня спустя, 9 марта, высокий гость опять побывал в Зандаме, на этот раз в сопровождении посла Куракина и «двух или трех князей своего государства». На яхте «он сам правил рулем; на голове у него был короткий, неважный, черный парик и простая черная, войлочная шляпа; у него были густые черные усы, видно было, что он последние дни не брился. Лицо его было бледно вследствие вышеупомянутой болезни. На вид он был статный, с ловкими движениями. Он был одет в старый суконный кафтан с кожаным поясом, шириною в три пальца, на котором висела сабля. Князья были одеты не так скромно. На них были большие парики и красные плащи». Екатерина со своими статс-дамами была на другой яхте. «На царице были драгоценное платье и много золотых, жемчужных, бриллиантовых и других украшений с драгоценными камнями, которые (говорят) стоили три бочки золота»⁷⁷.

Это приятное общество, посетив бумажную мельницу, зашло выпить кофе к Томасу Йосиусу, работавшему прежде в России плотником⁷⁸. С его матерью Мари Хитманс, которую Петр знал со времени своего первого приезда, в ее бедном домике он выпил на пару по рюмке можжевеловой водки. «Великий Государь, — рассказывает Голиков, — желал показать Государыне тот сарай или место, где он, яко плотник, работывал; но в какое приятное пришел удивление, увидев на оном месте хороший дом с надписанием: Дом Цар-

Зандам. Спуск корабля в 1717 году
(Домик Петра в Зандаме)

ской, воздвигнутой Сардамцами для вечной памяти работ Царских, на том месте производимых!»⁷⁹

Эпизод этот наш «петролюбивый» патриот Голиков полностью выдумал. После визита Петра домик Геррита Киста, в котором царь жил в 1697 г., пришел постепенно в совершенное запустение и лишь в 80-е годы XVIII в. был, так сказать, открыт заново, когда в 1780-м в нем побывал командующий русской эскадрой граф А.Г.Орлов вместе с голландским адмиралом Яном Хендриком ван Кинсбергенем. За ними через год последовал император Иосиф II Австрийский, а в 1782 г. цесаревич Павел Петрович, правнук знаменитого обитателя домика. Но только в 1800 г. предусмотрительный трактирщик Ян Антони Бюлсинг купил полуразвалившуюся постройку и, подновив, открыл для публики. В 1811 г. туда заглянул Наполеон, не проявивший, впрочем, большого интереса, а три года спустя явились в Зандам победители Наполеона: император Александр I с королем Нидерландов Виллемом (Вильгельмом) I. Последний в 1818-м домик Петра выкупил и подарил своей русской снохе, урожденной великой княжне Анне Павловне, по случаю рождения ею второго сына. Чтобы защитить домик от стихий, его накрыли каменным «футляром».

Когда 17 апреля 1839 г. под эту скромную кровлю вступил путешествовавший по Европе будущий царь Александр II в сопровождении своего наставника-поэта В.А. Жуковского, тот не смог сдерживать эмоций:

«Над бедной хижинкою сей
Витают Ангелы святые:
Великий князь, благоговей!
Здесь колыбель империи твоей,
Здесь родилась великая Россия!»

Стихи эти можно увидеть в самом доме, а под ними их весьма вольный перевод, выполненный амстердамским поэтом XIX в. Якобом ван Леннепом. С русской словесностью домик Петра связывает также один литературный анекдот. Пушкину, которому русские самодержцы ни разу не разрешили побывать за границей, Николай I будто бы однажды сказал: «Мне бы хотелось, чтобы король нидерландский отдал мне домик Петра Великого в Саардаме». — «В таком случае, — подхватил Пушкин, — попрошусь у Вашего Величества туда в дворники»⁸⁰. Если у властителей России действительно была мечта приобрести зандамскую святыню, то в 1886 г. она исполнилась: король Виллем (Вильгельм) III, сын Анны Павловны, подарил домик своему родственнику Александру III, а тот велел подвести под 200-летнюю постройку фундамент из красного кирпича.

Вернувшись в 1717 г. в Зандам, Петр Алексеевич узнал, что его старый знакомый Геррит Кист, у которого он когда-то снимал жилье, работает помощником кузнеца. За ним было послано, но из кузницы, если верить рассказу Номена, пришел такой ответ: «Нет, меня мало интересует царь, так как он слишком скупо заплатил за квартиру в моем доме». В конце концов встреча все же состоялась. «Потом Геррит Кист отправился с царем на его старую квартиру; здесь царь поднялся на чердак и осмотрел бывшую свою спальню и маленькую комнату, в которой он совершал молитвы». Продолжался этот ностальгический визит около получаса⁸¹. В книге Схелтемы мы находим предание о том, что Петр тогда же и погасил свой старый долг домовладельцу, преподнеся ему серебряный кубок⁸².

После этого пообедали у Калффов. Местный кальвинистский проповедник Герардус ван Алст обратился к Его Величеству с приветствием, но «ограничился краткой задушевной речью, потому что его предупредили, что это так требуется. На это его царское величество, тоже стоя, ответил ему коротко и любезно, выражая свою благодарность»⁸³. Когда гостей позвали смотреть, как судно тащат волоком, там собралось столько народа, что пройти было невозможно, — и царская чета со свитой быстро уехали. Кстати, и в первый приезд Петра (1697) было так же: магистрат Зандама пригласил его посмотреть, как перетаскивают корабль, но, увидев толпу, столь многочисленную, что она грозила опрокинуть заслоны, молодой монарх отказался прийти «и вдруг захлопнул дверь своей царской квартиры. Члены магистрата остались ни с чем и могли

отправиться гулять, что и сделали без дальнейших разговоров»⁸⁴. По окончании зрелища толпа любопытных с разочарованием разошлась⁸⁵. Наблюдая за «волочением» судна в 1717 г., Петр, конечно, и не подозревал, что это происходило в последний раз: уже через год перешеек, который когда-то называли крупнейшим волоком в мире, срыли⁸⁶.

Простился царь с Зандамом под самый конец своего второго пребывания в Голландии. Удивительно, что ни в «Походном журнале», ни в официальном путевом дневнике об этом ничего не говорится. 30 августа Петр навестил семью Калффов. Вместе с ней он посетил медеплавильную и жиротопную мануфактуры, осмотрел стоявший на стапеле корабль. Калффы, по свидетельству Номена, угостили гостя и сопровождавших его лиц «скромно, покупчески».

«За обедом у К.М. Калффа его просили высказать свое мнение о Франции. На это он ответил, что, на его взгляд, в Амстердаме во всяком случае художественная промышленность и кораблестроительная техника стоят выше, чем во Франции; что же касается домов, то на Геререграхте, на Кейзерсграхте и на других подобных улицах они не уступают французским. Кроме этого, он прибавил, что в течение всей своей жизни он не видал деревни, подобной Зандаму, именно такой большой и многолюдной, с такой обширной торговлей, и что он очень желал бы иметь несколько таких же деревень в своем государстве». После таких слов благодарные хозяева «поднесли ему с изысканной любезностью стакан пива. На это он ответил: “французскими комплиментами вы меня не удовлетворите, дайте мне лучше кружку”. Получив ее, он с удовольствием отпил и прибавил: “вот теперь я мог пить сколько мне хотелось, а главное, вы не знаете, сколько я выпил”»⁸⁷.

Приезды Петра в Зандам в 1717 г. не остались незамеченными. В выпуске 51 своего еженедельника «*Амстердамсе Меркьюриус*» уже известный нам рифмоплет Ян ван Гейзен с едва заметной иронией воспел в стихах «Сардам» (Зандам) деревню предприимчивую и зажиточную, которую «Их Величества своим присутствием почтили». Автор обещал, если небо подарит ему еще немного жизни, расписать достоинства Зандама и его обитателей подробнее.

Во всех этих визитах Петра присутствовал сын богатого купца Корнелиса Калффа Николас (1677–1734). Едва сыну исполнился 21 год, отец послал его набираться образования и жизненного опыта во Франции, Англии, Италии, т.е. совершить то, что немцы называют *Bildungsreise* и что начиная с XVIII в. будет считаться необходимым для юноши из «хорошей семьи». Николас Калфф принялся собирать древности, редкие монеты и медали, другие раритеты (после его смерти, в 1754 г., коллекцию продали с торгов⁸⁸). Пропу-

Портрет Николаса Калфа (Музей Зандама)

тешествовав два года, повидав свет⁸⁹, сын мог теперь вступить в крупное предприятие отца.

Унаследовав огромное состояние, Николас возвел себе импозантный загородный дом в своей усадьбе Поланен, на полпути между Амстердамом и Харлемом. Особняк славился роскошью декора и особенно скульптурой. В книге с видами прекрасных усадеб в этой части страны (1730) Гейсберт Тисенс в стихах воспел дом Калффа как далеко превосходящий все прочие по великолепию и красоте. А перед процветающей деревней Зандам, родиной Калффа, должна умолкнуть, восклицает поэт, «длинная череда городов»⁹⁰. Этот загородный особняк был в начале XIX в. снесен, но в самом Зандаме, на улице Вестзейде, сохранился его дом в стиле Людовика XIV. Существует предание, будто пышную мраморную галерею Калффу подарил царь Петр⁹¹.

В 1713–1714 гг. Николас опять жил в Париже, одевался, как француз, и называл себя графом де Во (comte de Veau), как он «перевел» свою купеческую фамилию Калфф⁹². Из «Путешествия в Голландию» Дени Дидро видно, какое сильное впечатление произвел на писателя-философа младший Калфф: «Это был человек с большим образованием, достаточно просвещенный, умный и учтивый. Он ездит по миру, тратит несколько сотен тысяч гульденов — и возвращается в свою деревню, чтобы вновь обрести свое положение и одежду крестьянина». Во французской столице Николас нередко оплачивал свои долги векселями; когда же его парижские приятели явились для расплаты по этим векселям в Зандам, он угостил их обедом, усадив на деревянные бочонки. После трапезы бочонки вскрыли — они оказались набиты золотыми монетами⁹³.

В Париже он общался, в частности, с Йоханнесом Тесингом, сыном видного амстердамского купца Яна Тесинга, торговавшего с Россией. Поддерживал Николас Калфф связи и с представителями самой России в Париже: князем Долгоруким и Александром Нарышкиным⁹⁴. В своей «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтер тоже поведал о Калффе, отметив, что «царица любила слушать его рассказы о дальних поездках»⁹⁵. Где это могло происходить, мы не знаем, но, вероятнее всего, в Зандаме в 1717 г. В начале XIX в. Якобус Схелтема отвергал слова Вольтера как клевету:

«Что достоверного в рассказах этого писателя о молодом человеке, <...> который, мол, поехал в Париж изучать французский язык и там, будучи северо-голландским крестьянином, называл себя графом де Во, усаживался за стол вместе с принцессами крови, бывал на карточной игре у герцогини дю Берри, пользовался большим уважением, чем любой другой иностранец в Париже, а возвратившись в Зандам, снова работал подмастерьем на судовой верфи своего отца, и так далее, и тому подобное...»⁹⁶.

И в эпоху Схелтемы, в начале XIX в., фигура этого богатого голландца из деревни продолжала волновать воображение. Еще в 1817 г. вышел во Франции роман «Сардамский плотник. Анекдот времен царствования Петра Великого» Элизабет де Мере-Генар (1751–1829). В этом романе молодой Калфф пришлось русскому царю настолько по душе, что тот пожелал возвести его в дворянское достоинство и женить во Франции на богатой и знатной невесте. Правнукам Калффа все это вскружило голову, и тут-то им указали на их более чем скромное происхождение...⁹⁷

В первый приезд Петра в Зандам Калфф-старший принимал его у себя дома, водил по верфям и другим местным предприятиям. То, что Калфф, строгий баптист, относился к пьянству с отвращением, а молодой царь был этому греху весьма подвержен, явно не мешало их взаимопониманию и приятельству. После возвращения государя в Москву, 5 декабря 1698 г., Корнелис Калфф и его старший сын попросили у него разрешения купить в России 200 ластов (480 тонн) ржи, ведь в Занском крае год выдался неурожайный. Вот это письмо в переводе с нидерландского:

«Петру Алексеевичу, царю Московскому.

Петр Алексеевич, благосклонный друг и брат во Иисусе Христе, желаем вам всех благ здесь и в жизни вечной. В нашей деревне Сардам и иных окрестных местах настала великая дороговизна зерна, особенно ржи, а потому в сих кратких строках наша покорная просьба и моление к вашей милости позволить нам закупить партию ржи в двести ластов и доставить сюда в Сардам.

С искренним приветом нашим друзьям Александру [Меншикову] и Гавриилу [Головкину].

Ваши доброжелательные сардамские друзья

Корнелис Михилзон Калфф и Корнелис Корнелисон Калфф»⁹⁸.

Прошение старых приятелей-голландцев растрогало царя, и он им эту партию зерна подарил.

Есть предание, будто в 1697 г. Петр побывал на верфи Калвердейк, где тогда строилась лучильная мельница, и самолично вбил несколько гвоздей. Поэтому мельницу стали называть «De Grootvorst [Великий Князь]» или даже «De Grootvorst van Moskovien [Великий Князь Московский]» и в 1897 г. сделали центром торжеств по случаю 200-летия приезда царя в Зандам. Однако, как показали новейшие архивные изыскания, эта мельница (в 1928 г. сгоревшая) была построена лишь после отъезда молодого Петра из Голландии. А из того, что ее называли в честь высокого гостя, видно, какие прочные связи установились у семьи Калффов с властителем далекой державы. Говорили, что Петр предлагал Николасу Калффу самые выгод-

Усадьба Николаса Калфа «Polanen»
(*Abraham Rademaker. La Hollande en tout son éclat & beauté. Amsterdam, 1730*)

ные условия, чтобы основать торговую фирму в России, но богатый зандаец туда не поехал⁹⁹, хотя и продолжал вести на Балтике торговлю русским лесом.

О тесной связи Николааса Калффа с царем Петром свидетельствует тот факт, что, когда в 1717 г., в год второго визита Его Величества в Голландию, увидел свет в Амстердаме нидерландский перевод известной книги англичанина Джона Перри о России (1716), с похвалами Петру (с этой книги в Англии начал формироваться самый положительный образ царя-реформатора), голландский издатель Йоханнес ван Остервейк предпослал переводу посвящение «господину Николасу Корнелисзону Калффу», «усердному испытателю всех полезных искусств и наук», которого «не только все его соотечественники любят и чтят, но и тот великий государь, коего деяния здесь вкратце описаны».

Восхваляя самого Петра, издатель в предисловии превзошел многих: «Если есть на свете страна, обязанная своему монарху благодарностью за улучшение нравов, за утверждение государственных и гражданских установлений, столь нужных для правосудия и для ведения войны, за процветание торговли, за введение всех полезных искусств и наук, чтобы подданные его жили в безопасности и спокойствии, а сам он был почитаем и любим, карая злых и награждая добрых, а также внушая страх своим открытым врагам и тайным недоброжелателям, — то это, вне всякого сомнения, великая и могучая Россия при нынешнем наисчастливейшем правлении ее светлейшего самодержавного государя, царя Петра Алексеевича, коего героические деяния для прошедших веков беспримерны и потомкам покажутся невероятными...»¹⁰⁰

Тот, кого вскоре увенчают титулом «отец отечества», и сам сознавал, каким предстает в глазах современников. В одном из «анекдотов», собранных Якобом фон Штелином, царь спрашивает, что говорят о нем за границей. Граф Остерман осторожно отвечает:

«Говорят, будто Ваше Величество весьма строгой Государь, поступает сурово со своими подданными, за все наказываете и никого не прощаете». При сих словах Государь перервал речь его и сказал улыбаясь: «Нет, нет, друг мой! ты не хочешь сказать мне прямо того, что ты верно слышал. Меня называют свирепым Государем и тираном. Вот что говорят обо мне в чужих землях! Но ктож это говорит? Такие люди, которые не знают обстоятельств, в каких я сначала несколько лет находился; не знают, что многие из моих подданных делали мне самая гнусная препятствия в произведении самых лучших моих, в пользу отечества намерений, и для того необходимо нужно мне было поступать с ними со всею строгостию; но никогда не поступал я свирепо, или тирански. Также имел я разумных и храбрых сынов отечества,

TEGENWOORDIGE STAAT
V A N
GROOT RUSLAND,

Vertoont in d'ontzachlyke Onderneemingen van zyne Czaarsche Majesteit

PETER ALEXEWITZ;

Bestaande in 't afschaffen der aloude Zeden en Gewoontens zyner Onderdaanen, en 't verbeeteren van zyne Staaten, zoo in 't Waereldlyke als Geestelyke gedrag.

Nevens een Beschryving van den Godtsdienst, Zeden en Gewoontens der Russen, Siberiers, onderhoorige Tartaren, Samojuden en andere Grensvolkeren.

T' AMSTERDAM,

By **JOHANNES OOSTERWYK,**
Boekverkooper op den Dam. 1717.

Голландский перевод книги Джона Пери «Современное состояние Великой России». Амстердам, 1717 («Королевская библиотека в Гааге»)

которые усматривали пользу моих намерений, споспешествовали оным с верностью и постоянством, и за то получали от меня благодарность и благодеяния»¹⁰¹.

Пышные похвалы Петру и его зандамскому протезе Николасу Калффу, предваряющие перевод книги Перри, позволяют предположить, что Калфф сам распорядился перевести ее на нидерландский и, возможно, даже оплатил ее публикацию в Голландии. В том же посвящении Калффу издатель Йоханнес ван Остервейк называет его не только другом, но и благодетелем, т.е., вероятно, меценатом, спонсором. Остервейк и молодой Калфф действительно были друзьями, ездили вместе по Западной Европе, а когда Николас женился, издатель написал велеречивое поздравление в стихах, воспевав добродетели и жениха, и его родного «благословенного Зандама»¹⁰².

В 1717 г. царь и его свита после обеда у Калффов посетили молельный дом зандамских баптистов. Краткая проповедь Калффа-старшего («Думай благое, говори благое и совершай благое во имя Господа!») Петру очень понравилась¹⁰³. Номен рассказывает об этом так: «Наконец, они завернули в так называемую новую церковь баптистов, где К.М. Калфф по просьбе царя прочел оригинальную короткую проповедь на какой-то текст. Выслушав его, царь сказал своему священнику: “так и вам следует говорить, у вас же слишком много витиеватости”»¹⁰⁴. За обедом, состоявшимся на исходе пребывания Петра в Голландии, «царь сказал между прочим Калффам, отцу и сыну, что он присутствовал при кончине бургомистра магистра Геррита Хофта и бывшего бургомистра Николая Витсена. При этом он прибавил : “в них я потерял двух из моих лучших друзей в Голландии”»¹⁰⁵. О кончине обоих бургомистров Петр, как мы помним, еще 13 августа с грустью сообщил своему вице-адмиралу Крюйсу.

Не все разделяли господствующее мнение о мудром реформаторе, учившемся в Голландии модернизировать свою страну. Княгиня Е.Р. Воронцова-Дашкова, одна из самых образованных и мыслящих женщин в екатерининской России, ценила западноевропейскую цивилизацию и охотно ее воспринимала, однако к тому, как ею пользовался царь Петр, относилась критически. Путешествуя в 70-е годы XVIII в. по Европе, она в Вене на замечание канцлера графа Кауница, что Россия многим обязана Петру, ответила: Россия и до Петра одерживала военные победы (взять хотя бы завоевание Казани и Астрахани) и обладала высокой культурой (летописи). «Петр I мог привлечь не только плотников и строителей, но и адмиралов. Он работал в Саардаме плотником, пренебрегая государственным делами и калеча русский язык голландскими терминами, которыми буквально начинены все его указы, относящиеся к

морскому делу. У него не было никакой необходимости посылать дворян за границу изучать ремесла садовников, кузнецов, шахтеров и так далее, поскольку каждый дворянин с удовольствием предоставил бы трех или более крестьян, дабы обучить их этим ремеслам»¹⁰⁶.

Впрочем, мнение княгини Екатерины Романовны в ее родной стране в ту пору мало кто разделял. Россия приняла тот образ Петра, который был создан Пушкиным в знаменитых «Стансах»:

«То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник»

Но и в Голландии последствия деятельности русского монарха и, в частности, его визитов в эту страну оценивались иногда весьма критически. Петр взял к себе на службу сотни опытных специалистов, приобрел бесчисленные образцы самых передовых мельниц, мануфактур и т.п. — и, как пишет Схелтема, многие были этим недовольны, предвидя немалый ущерб конкурентным позициям Республики Соединенных Провинций¹⁰⁷. В историографии иногда даже заходит речь о «шпионаже» со стороны русского гостя, но в недавнем фундаментальном исследовании «Великого посольства» 1697–1698 гг. справедливо отмечается, что случаев технического или военного шпионажа в современном нам понимании было очень мало — и объяснить это нетрудно: «Это не случайно: они [секретные сведения] Петру были не нужны. Европейские державы сами ему все подносили — бери, не хоч»¹⁰⁸.

Главными факторами упадка голландской торговли в XVIII в. были гегемония Великобритании на морях, обострившаяся конкуренция с другими европейскими державами и протекционистская политика торговых партнеров Голландии. Для Зандама и его окрестностей последствия общего экономического кризиса в стране оказались катастрофическими¹⁰⁹. Однако кое-кто в Республике обвинял русского царя. Обеспечив голландцам недолгое процветание благодаря их торговле с Россией, рассуждал в 1773 г. некий Юстюс Патриот, царь вместе с тем нанес им большой ущерб:

«Тот же ПЕТР ВЕЛИКИЙ, который на несколько лет погрузил нашу страну в роскошь и изобилие, был вместе с тем время причиной нашего упадка. Наш рабочий люд он взбудоражил, наши фабрики вывел из страны. К этому великому реформатору дикого народа отнеслись совершенно беззаботно, все тайны нашей торговли, промышленности и кораблестроения ему раскрыли, а теперь мы пожинаем последствия. Россия сама ведет к нам свои

новопостроенные корабли, и льняным полотном, пенькой и парусиной Россия сама может нас снабжать вместо того, чтобы мы их туда посылали, так что наш торговый баланс с этой державой стал сейчас совершенно пассивным»¹¹⁰.

Впрочем, еще в первые дни 1717-го, вскоре после приезда Петра, секретарь шведского посольства в Гааге Йоахим Фредерик Прейс, не упускавший случая очернить противника, известил Стокгольм о мнении некоторых голландцев, что этот визит приведет к беде¹¹¹. В русском переводе его донесение гласит: «Царь прилежно собирает все возможные регламенты всех гильдий, кожевенных заводов, мануфактур, как и других общественных учреждений, которые все часто им посещаются, и с большим вниманием все изучает. Был он в Смирительном Доме, дабы, как он выразился, получить понятие о строгости наказаний. На сделанный ему вопрос: “К чему он собирает упомянутые регламенты?” он будто бы отвечал: “Чтобы убедиться, в чем я ошибался, и постараться исправить”; что его государство способно на всякое улучшение, но бедно хорошими учреждениями. Здесь оказывают его особе большое уважение (estime) и довольно возятся с ним, но более разсудительные утверждают, что Голландцы воспитывают у себя за пазухой змею»¹¹².

Месяц спустя, в начале февраля, эта же мысль получила развитие еще в одной депеше Прейса:

«Носится слух, что Царь требовал своего сына в Голландию, но тот, не смотря на то, что находился под надзором Меншикова, нашел возможность уехать в Москву, дабы присоединиться к духовенству и другим знатым особам, которых ни как не могут привыкнуть к новым, необыкновенным для Русских, порядкам, которые введены Царем. Не могу ручаться за достоверность всей этой истории; ибо ее с намерением могли придумать здесь, чтобы ускорить отъезд Царя, так как его пребывание с каждым днем становится все более докучливым и неприятным, и начинают наконец понимать, что все его мысли заняты тем, как бы ввести в своем государстве ремесла, искусства и фабрики, подобные здешним»¹¹³.

Автор «Деяний Петра Великого» Голиков приводит занимательную историю о том, как голландцы, увидев, как хорошо работают в России новые сукнодельные мануфактуры, предложили поставлять царской армии в течение десяти лет сукно по цене более низкой, чем продавались русские сукна. Однако Петр разгадал хитроумный замысел и отказался, понимая, что иначе русские сукноделы разорятся¹¹⁴. Классический пример протекционизма — и патриотизма. В многочисленных сборниках анекдотов и легенд о царе-реформаторе можно найти не одну подобную историю о Петре, раскусив-

шем хитрых, а то и коварных иностранцев, причем нередко — голландцев¹¹⁵.

Но что бы ни значило пребывание Петра в Зандаме для него лично, для России и для Нидерландов, нельзя не согласиться с зандамским историком Якобом Хонигом, жившим в середине XIX в.:

«Становится теплее на сердце от того, что когда-то государь с далекого севера жил среди нас. Возвышает то чувство, что именно здесь было положено начало превращению могучей северной державы в колосса Европы»¹¹⁶.

ОТЪЕЗД ИЗ АМСТЕРДАМА

Как следует из газеты «*Антверпсе Пост-Тейдингс*» за 24 августа, в последние дни пребывания царя в Амстердаме к нему приходили послы и другие представители иностранных держав с делами, касавшимися будущего мирного урегулирования между Россией и Швецией. 31 августа комиссия, назначенная некогда Генеральными штатами для приема и сопровождения царя в Республике Соединенных Провинций (но уже без бургомистра Хофта, незадолго до этого скончавшегося), и городские власти организовали официальную прощальную аудиенцию.

Расставаясь с властелином России, голландская элита особой грусти не испытывала. Еще 28-го граф Албемарл уведомил великого пенсионария Хейнсиюса: «Еду завтра утром и, если Богу угодно, буду вечером в Амстердаме, так как ко мне только что прибыл вестник, сообщивший, что царь в понедельник или самое позднее во вторник отбудет в свою страну, куда Бог да приведет его, лишь бы мы от него избавились...»¹¹⁷. В том же духе доложил 3 сентября своему королю в Лондон британский посол Чарлз Витворт: «Кажется, город очень рад их отъезду»¹¹⁸.

Однако официальная сторона прощания и отъезда должна была быть безупречной. Члены комиссии Хюго Репелар и Ян Лодевейк ван Кинсхот 28 августа сообщили Хейнсиюсу: «Вчера утром князь Куракин известил нас о решении Их Царских Величеств не позднее чем через четыре дня уехать, для чего здесь [в Амстердаме] у господ адмиралтейства попросили одну или две яхты и у нас два корабля, которые будут служить для перевозки слуг и багажа вышеупомянутых Величеств. Далее тот же князь изволил сказать, что направятся через города Харлем и Гауда, мимо города Дордрехт, а затем вверх по реке Вал. Вышеназванные Величества высадутся в первой деревне выше города Неймеген, находящейся под властью Его Величества короля Пруссии, где найдут кареты для своего дальнейшего путешествия». Члены комиссии попросили пенсионария распоря-

даться о том, чтобы в провинциях Голландия и Гелдерланд в городах и фортах, мимо которых будут следовать венценосные гости, их приветствовали, как принято, пушечными залпами¹¹⁹.

Назначенный на 1 сентября отъезд пришлось отложить из-за сильной бури. О ней в записках Номена читаем: «1-го сентября, в среду, здесь разыгралась сильная буря, а по словам некоторых — ураган, с запада и с запада к северу. С 8 до 11 часов ветер достиг такой силы, что многие деревья были вырваны из земли, а черепицы и фронтоны сорваны с домов. В южной Голландии и вплоть до Дордрехта разрушено и унесено много плотов, вследствие неожиданно хлынувшего наводнения. В Роттердаме вода поднялась на четыре дюйма выше самого высокого уровня, так что многие подвалы были залиты, и погибла масса товаров, что причинило значительные убытки. Кроме того, прорвало плотины, и корабли удивительно далеко были выброшены на сушу. В Амстердаме была разрушена часть крыши одной большой церкви; то же случилось и со многими другими церквями внутри страны. Водяные мельницы так сильно работали, что на некоторых из них вспыхнул пожар. Пастор Г. фан Альст находился в то время в южной Голландии и после рассказал нам здесь с кафедры, что он видел пожар в шести местах. В Гейло сгорели мукомольная мельница и соседний с ней дом. Слава милосердному Богу, что здесь в Зандаме большой беды не случилось. 5-го сентября пастор Геральдус фан Альст читал здесь проповедь на текст из Исаия, глава 26, стр. 9: “Ибо когда суды Твои совершаются на земле, тогда живущие в мире научаются правде”»¹²⁰.

Последнюю ночь в Амстердаме Петр, если верить Номену, провел на верфи Адмиралтейства у корабельного плотника Яна ван Ренена:

«На прошлой недели <так!> царь был в Амстердаме на верфи адмиралтейства у мастера Яна Иелиссона фан Ренена и, между прочим, сказал ему: “дай мне хороший кусок дерева, я вырежу тебе кое-что на память”. Ему дали желаемый кусок дерева, он же начал работать циркулем, топором и долотом и сделал очень хорошенькую маленькую яхту, которой восхищались все, кто имел случай ее видеть. На прощанье он обнял мастера, поцеловал его и подарил ему 11 серебряных монет с изображением его царского величества; кроме того, он сделал ему еще какой-то большой подарок, ценности которого мастер не желал сообщить»¹²¹.

БЕРГЕН-ОП-ЗОМ И ДОРДРЕХТ

На следующее утро, 2 сентября, русские отбыли водным путем через Харлем и Гауду в Дордрехт. Там Петр ненадолго оставил Екатерину и на маленьком суденышке отправился в городок Берген-оп-Зом. В расходных книгах царя упомянуты 26 гульденов 18 стюйверов, потраченные 25 августа (5 сентября) на ночевку в городке Розендал¹²², неподалеку от Берген-оп-Зома. Визит в Берген-оп-Зом описан в одной городской хронике 1761 г., составленной на французском языке, так:

«Не случалось в этом городе события более славного, чем неожиданный приезд царя Петра I. Этот герой, затеявший придать новый облик Московии, считал своей обязанностью воздавать должное всему, что достойно любопытства любителя природы и искусства. Вот почему его внимание привлек к себе Берген-оп-Зом, и 16 августа <так!> 1717 г. этот монарх инкогнито сюда въехал в почтовой повозке, взятой близ Мурдейка. В сопровождении одного лишь бургомистра Его Величество осмотрел укрепления и в тот же день отбыл, исполненный восхищения...»¹²³

О том, что увиденное в городе царю очень понравилось, написал также в XIX в. местный историк-краевед¹²⁴, не ссылаясь, однако, на источники.

Сам Петр об этой поездке сообщил Екатерине не много: «Инова писать не имею, толко что, слава Богу, все здорова и поспешаем к вам, и толко намерен посмотреть одной славной крепости Берньгсумь [Берген-оп-Зом], которая немного в бок. Аднакож о сем осведамлюсь в Дорте [Дордрехте], и ежели замешкатца тем могу, то не поеду; буде же день или другой лишку, то жаль не видать»¹²⁵. Эта «славная крепость», которую гостю из России не удалось посетить в свой первый приезд в Голландию, в 1697-м, построена известным военным инженером Менно Кухорном, голландским Вобаном. Он возвел укрепления в городах Куворден, Нарден, Зволле, Неймеген, Граве и Бреда. Крепость в Берген-оп-Зоме считается одним из его шедевров.

В Дордрехте русский монарх уже побывал проездом в начале апреля, как о том упомянуто в путевом дневнике: «И когда мимо Дорта шли, тогда палили ис пушек, и им с яхты ответствовано пятью выстрелами. Того же числа пополудни во 2-м часу от города Дорта магистрат приезжали к его величеству на яхту с поздравлением, и прислали несколько бочек разных вин и протчих всяких столовых припасов»¹²⁶. Отсюда видно, что на берег в Дордрехте Петр тогда, в апреле, не сходил. Члены городской управы, явившись

с приветствием к нему на яхту, поднесли ему пару живых лососей, за которые, как следует из расходных книг магистрата в Городском архиве, было щедро уплачено некоему Альберту ван Севену. Уплатили и Яну ван дер Крабу — за то, что 4 апреля доставил отцов города на своей яхте «к яхте Его Царского Величества»¹²⁷.

В начале же сентября Петр Алексеевич осмотрел Дордрехт по-настоящему, побывав там, в частности, на Монетном дворе («и был на монетном дворе, где делают серебряную и золотую монету»¹²⁸). Учрежденный в конце XIII в., старейший в стране, этот монетный двор снабжал деньгами всю провинцию Голландия.

НЕЙМЕГЕН

Последний город в Республике Соединенных Провинций, который посетил августейший путешественник, — Неймеген. Это был второй его визит туда: 11 декабря 1716 г. он заехал в город с маленькой свитой, в простом портшезе. О втором приезде царя бургомистр Неймегена Петер Верстеген был извещен заранее, еще 1 сентября: из Гааги его настоятельно просили распорядиться, дабы Их Величеств приветствовали стрельбой из пушек¹²⁹. В Неймеген Петр и сопровождающие его лица прибыли, по-видимому, 10 сентября¹³⁰.

Наступил уже вечер, и остановились на простом постоялом дворе. На каком — местным историкам установить не удалось¹³¹. Об этой ночевке на постоялом дворе сохранился «анекдот» в собрании Якоба фон Штелина. Царь заказал хозяину яиц, хлеба, масла и сыра. Придворные выпили несколько бутылок вина. Наутро гофмаршал Д.А. Шепелев (со слов которого и записана эта история) спросил у хозяина, сколько он просит за ужин, и тот потребовал 100 гульденов.

«Гофмаршал весьма удивился и говорил трактирщику, не стыдно ли ему требовать такой необычайной платы за дюжину яиц и за кусок хлеба с сыром и маслом? Нет, отвечал трактирщик, и вы непременно должны заплатить мне 100 червонных. Он повторил сие несколько раз и не соглашался ни мало уступить. Шепелев не осмелился заплатить и поставить в счет столь чрезвычайную сумму, пошел к Государю и спросил у него, как он прикажет поступить с безстыдным трактирщиком. Его Величество, думая, что его никто не знает, вышел сам как бы нечаянно на двор и спросил у хозяина по Голландски, за что он требует такую большую сумму? Велика ли сумма 100 червонных? отвечал трактирщик: я заплатил бы 1000 червонных, еслиб я был Российской Царь. Государь возвращался, не сказав ни слова, и приказал Гофмаршалу заплатить 100 червонных. Безстыдный трактирщик, получивши деньги, отпер ворота и пожелал путешественникам благополучного пути»¹³².

В другом варианте того же «анекдота» Петр спросил хозяина, неужели яйца в Неймегене такая редкость. На что тот находчиво ответил: «Яйца не редкость, а цари — редкость». Подобный «анекдот» существует и о британском короле Георге I, который по пути из Лондона в родной Ганновер остановился где-то в Голландии и, возмущившись завышенным счетом, поданным ему хозяином гостиницы, получил такой же ответ¹³³.

В расходных книгах царя лишь сухая запись: «В 31-день [августа] [11 сентября] в Нимвегене, где стоял его величество, заплачено за квартиру хозяину 20-ть червонных»¹³⁴. Тема прижимистых, жадных до денег голландцев встречается в «анекдотах», собранных Штелином, неоднократно. В одном из них Петр в адмиралтейств-коллегии так обосновал различия в жалованье для служащих из той или иной страны: «Французу всегда можно давать больше жалованья; он весельчак (*bon vivant*) и все, что получает, проживает здесь. Немцу также должно давать не менее; ибо он любит хорошо поесть и попить, и у него мало из заслуженного остается. Англичанину надобно давать еще более; он любит хорошо жить, хотя бы должен был и из собственного имения прибавлять к жалованию. Но Голландцам должно давать менее; ибо они едва досыта наедаются, для того, чтобы собрать больше денег»¹³⁵.

Возможно, именно визит Петра в Неймеген вдохновил тамошнего молодого юриста Иоана Якоба Маурициуса (1692–1768) на оду «Императору Петру I», написанную, правда, лишь в 1724 г., а опубликованную еще позднее — в 1753-м, в сборнике «Стихотворения досуги». Обращаясь к Овидию, которого Август сослал некогда в причерноморские степи, юный стихотворец-любитель заверял его, что сейчас бы тот не оплакивал так свою участь, когда бы увидел, как «род дикий варваров и скифов» преобразился в «школу Анархасиса», сообщество просвещенных мудрецов. Да и Ифигении, героине древнегреческого мифа и трагедии Еврипида, не пришлось бы бояться Тавриды, где она оказалась, ведь ныне там издает законы государь, превзошедший своими деяниями античных богов¹³⁶. В этом панегирике русскому царю автор явно упустил из виду, что Таврида (Крым) в его время еще не входила в состав России, а была присоединена Екатериной II только в 1783 г.

Кстати, когда в 1766 г. уже пожилой Маурициус, в те годы голландский посланник в Гамбурге, вставил в свой новый сборник стихов поэтические размышления о российской императрице, он почти дословно повторил в них многие строки из своей давней оды Петру. Особенно пригодились для перелицовки строфа об Ифигении. Теперь дочери Агамемнона не пришлось бы в Тавриде страдать потому, пишет автор, что там царит мудрая Екатерина, которая превзошла античных богов своей славой и красотой¹³⁷.

Сборник стихотворений поэта Маурициуса
(Королевская библиотека в Гааге)

Надпись на стене Домика Петра I в Зандаме

Между тем 11 сентября Петр с женой пересекли голландскую границу и, покинув Республику, прибыли в прусский город Клеве. В документах Генеральных штатов за 21 сентября читаем, что «господин князь Куракин, чрезвычайный и полномочный посол Его Царского Величества, уведомил о своем возвращении сюда [в Гаагу], после того как проводил Его Царское Величество до города Клеве, и при этом от имени Его Царского Величества выразил удовольствие той честью и дружеским приемом, которые во время его пребывания в [нашем] государстве были ему оказаны»¹³⁸.

Уже известный нам Ян ван Гейзен, амстердамский стихотворец и издатель еженедельника «Амстердамс Меркюриус», 3 октября в длинных хвалебных виршах попытался объяснить читателю, зачем великий монарх лично посещал многие отдаленные уголки Европы. Главным мотивом выступает желание царя внедрить у себя производство товаров, которые его страна раньше закупала за границей, а также расширить торговлю, для чего он велит строить корабли на Волге и на Дону. Петербург, которому «он свое дал имя», — уже сегодня важная крепость, составляющая гордость России, но вскоре к нему будут относиться с таким же почтением, как к крепости в Дюнкерке, а своим великолепием он сравняется с Версалем. Связав воедино Черное, Каспийское, Белое и Балтийское моря, царь свершил то, чего не делал никакой монарх прошлых веков. Благодаря усердию своего народа и разуму государя Россия не будет нуждаться в привозе товаров из-за границы, и к тому же — «каких искусств, наук не насаждает он в своей державе?!»

Если считать все эти похвалы типичными для воззрений тогдашнего голландского общества на великого гостя из России, то образ Петра в Республике был, несомненно, положительным. Последнее же слово мы предоставляем зандамскому купцу Якобу Корнелисзону Номену, очевидцу и мемуаристу: «2-го сентября его царское величество и царица уехали из Амстердама в свое государство, предполагая дорогой видеться с королем прусским, а может быть, и с другими владетельными князьями. Таким образом, во второй раз оставил Голландию ее дорогой и редкий гость»¹³⁹. Словом «гость» русский переводчик записок Номена передал загадочное, не встречающееся в словарях нидерландского языка слово «warschip». В нем можно увидеть диалектное «waardschap», связанное с понятием «приходить в гости, наносить визит», но при желании можно сблизить «warschip» с «warhoofd»: это означало бы, что Номен называет Петра бестолковым и безалаберным¹⁴⁰. Однако это негативное суждение никак не согласуется с тем, что зандамский купец писал о госте из России всегда очень благожелательно, если не сказать — восторженно.

Примечания

1. По другим данным, Петр остановился у барона де Крассира, проживавшего на той же улице Бокстрат (*Borromeus B. Geschiedenis van Maastricht...* P. 89; *Flament A.J.A. Bezoek van Czaar Peter den Groote te Maastricht...* P. 43).
2. Гистория свейской войны. С. 620–621.
3. Registers van uitgaande brieven der Staten-Generaal (NA. Nr. 1.10.29/630).
4. *Franquinet G.D. Visite du Czar Pierre-le-Grand, à Maestricht...* P. 295–297.
5. *Bloemen C. Drie eeuwen Maastrichts theater.* P. 15–16.
6. Bernard A. *Tableau du spectacle français...* P. 84.
7. *Luijten J., Schutgens K. Tsaar Peter de Grote en Maastricht.* P. 114–120; *Schoonbrood M., Grossier J.S. Schetsen uit de geschiedenis van Maastricht en omstreken. Deel I.* P. 97–99. См. также: *Morreau L.J. Bolwerk der Nederlanden.* P. 242.
8. *Ubachs P.J.H. Daniël Wolf de Dopff.* P. 246. См. также: *Minis S. De terugkeer van de gouverneurs.* P. 41.
9. *Bernard A. Tableau du spectacle français...* P. 85.
10. *Gebeiteld & Verguld.* Nr. 296.
11. *Sprooten R., Hoenen J. Alles moet bevochten worden.* P. 111. Об этом мне любезно сообщил Камил Оствегел, нынешний владелец замка.
12. *Les ouvrages d'Architecture de Pierre Post.* Leyde, 1715.
13. <http://forum.mestreechonline.nl/showthread.php?p=139880>. Как сообщил мне 16 апреля 2012 г. Эмиль Рамакерс (Центр Серамик, Маастрихт), в двух экземплярах этой книги, хранящихся в Городской библиотеке, не вырвано ни страницы. Известно, что Питер Пост подарил маастрихтской ратуше 200 экземпляров гравюр со своих рисунков, и вполне возможно, что один из них вручили русскому царю.
14. *Vunper B.P. Архитектура русского барокко.* М., 1978. С. 22.
15. *Горбатенко С. Новый Амстердам.* С. 154. В библиотеке Петра I была книга архитектора Питера Поста «*Alle de Wercken van Architectura...*» (Библиотека Петра I. С. 144. № 1408).
16. *Kroniek "Michiel Korsten". Maaseik 1702–1732.* Maaseik, 1993. P. 206–207.
17. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII.* P. 297.
18. Гистория свейской войны. С. 622.
19. *Voorst van K.S. Vervolg op de Chronyk van Hoorn* (цит. по: *Abbing C.A. Beknopte geschiedenis der stad Hoorn en verhaal van de stichting, voltooiing en verfraaiing van de Groote Kerk.* Hoorn, 1839. P. 210–211).
20. *Abbing C.A. Beknopte geschiedenis der stad Hoorn.* P. 210.
21. *Smit J. Dirck Rembrantsz van Nierop. Deel I.* P. 109.
22. См. его книги «*Comptoir almanach, met de maens op en onderganh*» (1710), «*De nieuwe Hoornse schatkamer, ofte De konst der zeevaart*» (1712) и «*Gods bezoeking over Nederland*» (1714).
23. *Abbing C.A. Beknopte geschiedenis der stad Hoorn.* P. 104; *Vlam Ch.C. Graftombe Pieter Florisz.* P. 143. Известно также, что Петр, посетив в Хорне церковь, предложил ее органисту поехать с ним в Россию. Одна-

- ко более вероятно, что этот эпизод относится к 1698 г., ко времени первого приезда царя в Голландию. Весьма лестное предложение Его Величества органист не принял, но воспользовался им, чтобы добиться от своего начальства повышения жалованья! См.: *Vlam Ch.C. Een uitnodiging van tsaar Peter de Grote aan een Hollands organist*. P. 113–115.
24. *Abbing C.A. Beknopte geschiedenis der stad Hoorn*. P. 210.
  25. *Scheltema J. Peter de Grootte*. Vol. II, 1814. P. 57-58.
  26. *Aa van der A.J. Biographisch woordenboek der Nederlanden. Deel 12/2. Haarlem, 1869*. P. 1196-1197.
  27. Holy, Nicolaas Muys van // *Molhuysen P.C., Blok P.J. Nieuw Nederlandsch biografisch woordenboek. Deel 3. Leiden, 1914*. В этом биографическом очерке упомянуто также, что Петр I некогда приглашал амстердамского адвоката поехать с ним в Россию.
  28. *Resolutien van de Heeren Staaten van Hollandt ende Westvrieslandt (SAA 5038. 1717. P. 343–344)*.
  29. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 298*.
  30. *Ibid.* P. 301, 303, 304, 308.
  31. *Гистория свейской войны. С. 615*.
  32. *Resolutien van de Heeren Staaten van Hollandt ende Westvrieslandt (SAA 5038. 1717. P. 425)*.
  33. *SAA 5029. Nr. 149. Archief van de burgemeesters (без пагинации)*.
  34. *РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. 1717 г. Л. 118об.*
  35. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 299*.
  36. *Цит. по: Balbian Verster de J.F.L. Peter de Grootte te Amsterdam. P. 37–43*.
  37. *Scheltema J. Peter de Grootte. Vol. II, 1814. P. 48*.
  38. *Цит. по: Balbian Verster de J.F.L. Peter de Grootte te Amsterdam. P. 37–43*.
  39. *Europische Mercurius, 1717. P. 200-201*.
  40. *National Archives (Kew Gardens, London). State Papers. Foreign. Holland 1560–1780. SP 84. Fol. 125*.
  41. *Ibid. Fol. 131*.
  42. *Архив князя Ф.А. Куракина. Т. I. С. 11*.
  43. *Vivat Apeldoorn en Oranje. P. 23*.
  44. *Архив князя Ф.А. Куракина. Т. I. С. 91*.
  45. *Как и посол Швеции в Лондоне, Гёртц в Гааге находился некоторое время под арестом по подозрению в причастности к заговору якобитов, т.е. приверженцев свергнутой династии Стюартов, против нового британского короля Георга I*.
  46. *26 августа, т.е. 15 августа по юлианскому календарю, в православный праздник Успения Пресвятой Богородицы*.
  47. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 313*.
  48. *Scheltema J. Peter de Grootte. Vol. II, 1814. P. 26*.
  49. *Reitz J.F. Oude en nieuwe staat van 't Russische of Moskovische Keizerryk... P. 303–304*.
  50. *Graafhuys A. Utrecht in de achttiende eeuw. P. 4*.

51. См.: *Bruin C.* Speelreis langs de Vecht-stroom. P. 7–8, 17; *Hoogvliet van A.* Zijdebalen, hofdicht. Delft, 1740.
52. *Struick J.E.A.L.* Utrecht door de eeuwen heen. P. 244.
53. ‘Een paradijs vol weelde’. P. 302–303. Zie ook Romijn J. Hart van Nederland. P. 240–241; Graafhuis A. Utrecht in de achttiende eeuw. P. 2–4.
54. *Reitz J.F.* Oude en nieuwe staat van ’t Russische of Moskovische Keizerryk... P. 303–304.
55. *E.* [*Evers G.A.*] Czaar Peter te Utrecht in 1697 en 1717. P. 65.
56. *Damme van A.* De buitenplaatsen te Heemstede, Berkenrode en Bennebroek. P. 117–122; *Haslinghuis E.J.* Buitenplaats van Soloffihoff in den Haarlemmerhout. P. 72.
57. *Koolaart (geb. Hoofman) E.* De Naagelaatene Gedichten. P. 33–38. См. также: *Вагеманс Э.* Голландская ода о Петре Великом. С. 98–106.
58. *Горбатенко С.* Новый Амстердам. С. 90.
59. *Helsloot P.N.* De glorie van Zaandam. P. 39; *Beukers E., Nijss de Th.* Het bijzondere van Holland. P. 60.
60. *Helsloot P.N.* De glorie van Zaandam. P. 61.
61. *Paul C.F.L.* Czaar Peter en de Zaanse scheepsbouw.
62. *Honig G.J.* Pieter Michaeloff. Het verblijf van Czaar Peter den Grooten te Zaandam in augustus 1697. Koog aan den Zaan, 1897.
63. *Гониг Г.Я.* Питр Михайлов. Историко-бытовые картины голландской жизни XVII века в 4 действиях с прологом. СПб., 1898.
64. Zeilersliederen. Opnieuw herdrukt en uitgegeven bij gelegenheid van het 15-jarig bestaan der Zaanlandsche Zeilvereeniging, tijdens de Czaar Peterfeesten te Zaandam, op Woensdag 18 en Donderdag 19 Augustus 1897. Wormerveer, 1897 (Gemeentearchief Zaanstad).
65. Czaar Peter Lied (Gemeentearchief Zaanstad. Nr. 05.984).
66. Об истории памятника см.: Хвостова Г.А. Памятники «царю-плотнику» в Санкт-Петербурге и Саардаме. С. 286–291.
67. Het Standbeeld. Pamflet Soc. Dem. Arbeiderspartij, afd. Zaandam, i.v.m. de onthulling van het Czaar Peterstandbeeld te Zaandam. S.a. [1911] (Gemeentearchief Zaanstad. Nr. 04.87).
68. Czaar Peter Cantate voor de onthulling van het Czaar Peter Standbeeld te Zaandam. Woorden van J.F.Wichard, muziek van Jan Zwart, [1911] (Gemeentearchief Zaanstad, Nr. 10.821). В том же архиве есть и французская версия этой кантаты: Cantate, exécutée à l’occasion de la statue du Czar Pierre le Grand, mardi le 2 Mai 1911 (Nr. 02.373).
69. Петровские памятники России. Т. 1. С. 100–101.
70. 250 jaar geleden: Czaar Peter leert het handwerk van sloopstimmerman // De Waarheid, 12 maart 1947.
71. Czaar Peter feesten Zaandam: georganiseerd door de Zaandamse Gemeenschap 16–24 Augustus 1947 (Gemeentearchief Zaanstad. Nr. 06.591).
72. Czaar Peter Huisje. P. 48–51.
73. Походный журнал 1717 года. С. 1.
74. Гистория свейской войны. С. 612.

75. *Номен Я.* Записки Я.К.Номена. С. 73.
76. Там же. С. 75. Говорил Петр, как справедливо замечает современный немецкий историк, не столько на чистом нидерландском языке, сколько на своеобразной смеси нидерландского и нижненемецкого (*Schippan M.* Die Aufklärung in Russland im 18. Jahrhundert. S. 61).
77. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 78.
78. Макаров Б.С. Голландцы в России. С. 111.
79. Голиков И.И. Деяния Петра Великого... Т. V. С. 290–291.
80. Русский литературный анекдот конца XVIII-начала XIX века. М. 1990, р. 219.
81. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 80–81.
82. *Scheltema J.* Peter de Groote. Vol. II, 1814. P. 24.
83. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 81.
84. Там же. С. 35, 37.
85. *Braam van A.* Zaandam en de czaar, 1697. Deel 2. P. 16.
86. *Helsloot P.N.* De glorie van Zaandam. P. 69.
87. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 89–90.
88. См. каталог этих торгов, хранящийся в Занском архиве: *Catalogus van Zeldzaamheden en Penningen Bestaande in Verscheide Zee, Berg, Aard en Steengewassen, Ges[n]jeede en Ongesneede Steenen. Met tevens Oude en Hedendaagsche Zilveren en Kooperen Penningen. Verzameld door Wylen, den Heer Nicolaas Kalff. In zyn Leven groot Kender en Liefhebber van Uitmuntende Frayigheden. West-Zaandam, 1754.* Как ни странно, в собрании Николаса Калффа не было ни одной медали, отчеканенной по велению Петра I.
89. Я. Схелтема утверждает, что Николас Калфф вел путевой дневник, но подтверждений этому нет. См.: *Honig G.J.* Nadere bijzonderheden betrekkelijk de familie KALFF. P. 4–7. См. также: *Couwenhoven R.* Nicolaas Calff. P. 9–33.
90. *Rademaker A.* Hollands Tempe verherelykt... La Hollande en tout son éclat et beauté. Amsterdam, [1730?], без пагинации.
91. *Honig G.J.* Het huis van Calff te Zaandam. P. 6.
92. Французское слово veau, как и нидерландское kalf, означает «теленок».
93. *Diderot D.* Voyage en Hollande. P. 148.
94. *Couwenhoven R.* De familie Calff, vrienden van de Czaar.
95. *Voltaire.* Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand. P. 238–239.
96. *Scheltema J.* Peter de Groote. Vol. II, 1814. P. 241. Реабилитации зандамского друга Петра Великого Схелтема посвящает целую главу (р. 240–248).
97. См.: *Minzloff R.* Pierre le Grand dans la littérature étrangère. P. 499. Роман этот был переведен даже на португальский язык (O Carpinteiro de Sardam. Anecdota de Reinado de Pedro o Grande. Lisboa, 1820).
98. Цит. по: *Couwenhoven R.* Einde van een mythe. P. 8. Это письмо было уже в XVIII в. издано в России с параллельным переводом на русский: Письмо к Государю Петру Великому, писанное от двух голландских мужиков // Санкт-Петербургский вестник, апрель 1779 г. Часть 3. С. 297–300.

99. *Honig G.J.* Het huis van Calff te Zaandam. P. 1; Couwenhoven R. Nicolaas Calff. P. 11.
100. Tegenwoordige staat van Groot Rusland, Vertoont in d'ontzachlyke Onderneemingen van zyne Czaarsche majesteit Peter Alexewitz... Amsterdam, 1717.
101. *Штелин фон Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом. М., 1830. Т. II. С. 21.
102. *Oosterwyk van J.* Ter Bruiloft Van de Konstbeminnde Claas Corneliszoon Calf, En de Deutzame Aafje Pieters. Getrouwt op Westzardam den 25 van Zomermaand, des Jaars 1702. S.l., [1702].
103. *Scheltema J.* Peter de Groote. Vol. II, 1814. P. 66.
104. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 89. Этим священником был о. Иван Хрисанфов, который сопровождал государя также в Париж и, по словам герцога де Сен-Симона, поразил многих французов непомерным аппетитом и беспредельной жадой (Братья Олсуфьевы. С. 39).
105. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 92.
106. *Дашкова Е.Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 138–139.
107. *Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden. Vol. II. P. 293.
108. *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство. С. 307.
109. *Braam van A.* Bloei en verval van het economisch-sociale leven aan de Zaan in de 17de en 18de eeuw; *Visser W.F.* Peter de Grote en Zaandam. P. 28; *Beukers E., Nijs de Th.* Het bijzondere van Holland. P. 60.
110. *Patriot J.* Optelling van de takken van Welwaard die wy verlooren hebben...
111. Riksarkivet (Stockholm). Hollandica, 341.
112. *Преус [Й.Ф.]* Извлечение из донесений... С. 5.
113. Riksarkivet (Stockholm). Hollandica, 342; *Преус [Й.Ф.]* Извлечение из донесений... С. 9.
114. Петр Великий в преданиях... С. 40–41.
115. См.: *Ronin V.* Die Niederländer in der russischen Volksüberlieferung über Peter den Großen. P. 285–313.
116. *Honig J.J.* Geschiedenis der Zaanlanden. Deel II. P. 157.
117. De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 317.
118. National Archives (Kew Gardens, London). State Papers. Foreign. Holland 1560–1780. SP 84. Fol. 195.
119. De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 317–318.
120. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 90–91.
121. Там же. С. 92.
122. Сборник выписок из архивных бумаг. Т. II. С. 8.
123. *Faure J.* Beknorte historie van de stad Bergen op Zoom. P. 243–244.
124. *Beerstecher W.K.C.* Geschiedenis van Bergen-op-Zoom. P. 85.
125. Письма русских государей... Т. I. С. 73.
126. Гистория свейской войны. С. 612.
127. Stadsarchief Dordrecht. 1572–1795. Nr 3074. Fol. 32.

128. Гистория свейской войны. С. 612.
129. Bestuurlijk Archief der stad Nijmegen, 1196–1814. Nr. 137. Raadsignaten over het jaar 1717. О пушечном салюте вкратце упомянуто также в книге местного краеведа XVIII в.: *Smetius J. Chronijk van de Stad der Batavieren <...> de Beschrijving van Nijmegen tot den jaare 1784* (www.noviomagus.nl/home1.html).
130. *Schevichaven van H.D.J. Czaar Peter te Nijmegen*. P. 57–58.
131. На одном из неймегенских сайтов, без ссылки на источники, утверждается, что Петр останавливался на постоялом дворе под названием «De Zwaan [Лебедь]» (www.noviomagus.nl/Blik/03-07/Blik0307.htm).
132. *Штелин фон Я.* Подлинные анекдоты Петра Великого... Т. II, 1830. С. 51.
133. *Schevichaven van H.D.J. Czaar Peter te Nijmegen*. P. 57.
134. Сборник выписок из архивных бумаг. Т. II. С. 83. Один червонный соответствовал 5 гульденам.
135. *Штелин фон Я.* Подлинные анекдоты Петра Великого... Т. I, 1830. С. 75–76.
136. *Mauricius J.J.* Op Keizer Pieter den Isten // *Dichtlievende uitspanningen*. P. 100. См. также: *Meiden van der G.W.* Een lofdicht op Peter de Grote. P. 30–35.
137. *Mauricius J.J.* Onledige ouderdom. Deel 2, voorrede, § 11.
138. Resolutien van de Hoogh Mogende Heeren Staten Generael... Genomen in den jare 1717 (NA. Nr. 1.01.02/3772).
139. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 92-93.
140. Канадский англоязычный исследователь Джейк Кнопперс перевел слово «warschar» из записок Номена как «confusion» (*Knoppers J.V.Th.* The Visits of Peter the Great... P. 50).

Собрание эмблем Германюса ван дер Бюрга,
 сделанное по заказу Петра Первого (Харлем, 1743)